



Виктор Аксючиц

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
КАТАСТРОФА
ИЛИ
ПРЕОБРАЖЕНИЕ**

DirectMEDIA

Виктор Владимирович Аксючиц

Цивилизационная катастрофа, или Преображение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74033937
Цивилизационная катастрофа, или Преображение:
ISBN 978-5-4499-5103-8*

Аннотация

Столетиями европейские народы под знаменем Креста завоёвывали мир и покоряли природу. В итоге западная цивилизация подошла к суициду, грозящему всеобщей катастрофой. Какая экзистенциальная травма фатально сказалась на формировании религиозного мировоззрения, определяющего историю и современность христианских народов? Какие основополагающие истины Откровения Богочеловека оказались не воспринятыми?

Провиденциально Россия, спасая себя, оказалась в роли Удерживающего человечество от духовной гибели и самоистребления. Эпохальное предназначение требует сверхмобилизации, преобразования религиозного, мировоззренческого, общественного, государственного. Грядущей победой наша Родина подвигает к новым формам мироустройства.

Автор предлагает читателю философский анализ исторических вызовов и ответов на них.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	8
Введение	15
I	38
Противоречия толкования книги «Бытие»	38
Онтология «первогреха»	50
Нехристианское в христианстве	66
Начала и концы	77
В начале	89
Небо	98
Земля	104
Цель творения	108
Создание первообраза человека	110
Божественное Предустановление	115
Образ змея	117
Дерево Познания	122
Богopodobность свободы человека	127
Познание назначения	129
Обретение плоти	132
Адам – человек	141
Диалектика свободного самоопределения	145
Многозначность акта «грехопадения»	149
Арена преобразования бытия	154
II	157

Христиане Европы в истории	157
Христианство и иудаизм	164
Рецидивы ветхозаветности в христианстве	173
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Виктор Владимирович Аксючиц Цивилизационная катастрофа, или Преображение

© Аксючиц В. В., текст, 2025

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2025

Я пишу о том, что все слышат, но никто не говорит.

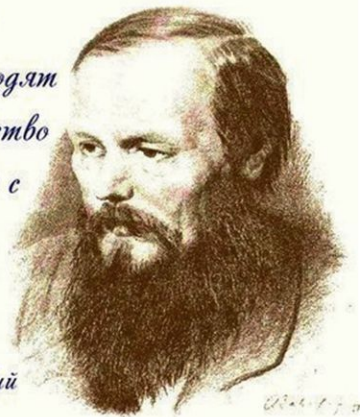
Моя задача музыку времени, дух эпохи выразить в слове, в сформулированном образе.

Поэтому то, о чём я пишу, можно прочесть «везде и нигде».

Дневник самосознания. 26.04.84

*Самые серьезные проблемы
современного человека происходят
от того, что он утратил чувство
осмысленного сотрудничества с
Богом в Его намерении
относительно человечества.*

Федор Михайлович Достоевский



Предисловие

Аркадий МИНАКОВ

Творчество Виктора Аксючица принадлежит к традиции русской христианской философии XX века, которую часто называют «неопатристика». Это синтез учения Отцов Церкви и некоторых направлений современной философии. В формировании взглядов философа наибольшую роль сыграли Новый Завет, идеализм Платона, трактовка свободы позднего Шеллинга, идеи всеединства и софиологии Соловьева, христианский персонализм и экзистенциализм Достоевского и Бердяева. При этом он в своих исканиях и утверждениях оказался точнее, практичнее, избежав заблуждений и метаний некоторых своих предшественников.

В представляемой книге подняты две взаимосвязанные проблемы: первая – причины стремительной деградации современного мира, идущего к финальной катастрофе, и вторая – как избежать грядущего рукотворного апокалипсиса и какова должна быть роль России в спасении человечества.

Относительно деградации многие согласятся с философом. Она приняла масштабные и открыто сатанинские формы, в отличие от всех предшествующих эпох. Её проявления, ведущие к расчеловечению, вызывают прогрессистскую эйфорию у элит Запада и отторжение и ужас у значительной части остального человечества.

Главную причину грядущего глобального суицида, к которому ведёт современная «глобальная» западноевропейская цивилизация, Аксючиц усматривает в «*изначальном пороке западного религиозного мировоззрения*», некоем «*вывихе*» в истоках христианской цивилизации, сказавшемся по-разному на Западе и православном Востоке.

Основной причиной страшной и самоубийственной деградации человечества является **натурализм**, который Аксючиц определяет как мировоззрение, утверждающее природу в качестве единственной, универсальной реальности. Как правило, оно материалистично и антирелигиозно. Впрочем, натурализм нельзя сводить только к материализму и атеизму. Но даже в том случае, если натуралистическое мировоззрение и признает некие духовные сущности, то при этом отвергает единого личного Бога.

Натурализм буквально пронизывает человеческий мир, в том числе проникает и в христианство, искажая образ Бога, перенося на Него некоторые свойства и формы человеческой природы: гнев, жестокость, мстительность. Натуралистические представления порождают стремление к власти и материальному стяжательству не только в светском обществе, но и в Церкви. Пантеистический натурализм демонстрирует устойчивую тягу к различным формам патологической «духовности» – от всякого рода ересей и сект до масонства и неоязычества. Всё это неизбежно приводит к искаженному пониманию Божественной и человеческой природы.

Тяга к натурализму коренится и существует всегда в самом бытии, сотворённом из первичного хаоса. Религией, пронизанной натуралистическими мотивами является иудаизм. Аксючиц пишет: *«Религиозный вектор христианства – с земли на небо, иудаизма – с неба на землю: христианство взывает спасения в вечности для всех живущих, иудаизм это – вера (уверенность) в том, что Бог явился только богоизбранному народу для ниспослания Мессии, несущему в пределах человеческой истории освобождение и власть только иудейскому племени»*. Иудаизм пронизан натуралистическим пафосом покорения народов и земель, обращен к поюстороннему, учение о бессмертной душе появилось в нём под воздействием христианства лишь в Средние века. Натуралистические установки иудаизма повлияли на историческое христианство в период его богословского и институционального становления.

Аксючиц приходит к выводу, что христианские богословы некритически переняли иудейскую концепцию творения и грехопадения человека. Более того, Блаженный Августин усугубил натурализм этого толкования своим учением о первородном грехе, передающемся при рождении младенца. Согласно этому толкованию Бог создал не вечную человеческую душу, а плотского человека и Землю со всем живым на ней. Душа человека при этом описывается как *«некий материальный субъект, имеющий время и место пребывания даже после земной смерти: материализованные образы рая*

и ада, мытарств души после земной смерти». После изгнания из Рая человек очутился в падшем, безблагодатном, низшем мире. В силу своей греховной ущербности человеческая судьба определяется в этом мире своеволием и безответственным отношением к мирозданию. Автор предлагает толкование первых трёх книг Ветхого Завета, основанное, как он убеждён, на Новозаветном Благовестии.

Философ настаивает на том, что концепция грехопадения была совершенно не осмыслена в свете Нового Откровения о вечном назначении человека и его творческой миссии. В силу этого в христианстве возникли предпосылки для глобальной натуралистической подмены в понимании назначения человека и его роли в божественном мироздании, которая стала задавать ложные ориентиры, идеалы и ценности. Если ложные представления о творении мироздания и назначении человека усилили и вооружили *экспансионистский* инстинкт европейских народов, то русский народ *внутренне* пережил натуралистические соблазны. Этому посвящены главы книги по историософии России.

Но основную ответственность за приближающийся апокалипсис несёт, прежде всего, западное христианство. Запад довёл натуралистическое мировоззрение до крайне агрессивных и патологических форм. Надо отметить, что в книге Аксючица содержится последовательная и глубокая критика Западной цивилизации. Так, он утверждает, что мутация Запада, произошедшая пять столетий назад, когда он стал фак-

тически мировым гегемоном-цивилизацией, была обусловлена тем, что его религиозная энергия сосредоточилась на «познании-подчинении природы-натуры» и это «дало грандиозный эффект научной технической цивилизации... неизбежно, отозвалось забвением, вытеснением, затем и борьбой с реальностью духовной – Божественной. Влияние натуралистических установок Ветхого Завета легализовали и стимулировали генетическую агрессивность и экспансионизм западноевропейских народов», которые сосредоточились «на всемирных завоеваниях, ограблении, порабощении и истреблении под знаменем Креста нехристиан (нелюдей) и неверных христиан (недо-людей)».

В современной духовной ситуации натурализм Запада фактически дошёл до логического конца. Если мир оставлен Богом, безблагодатен, является сугубо природным, материальным, низшим, то из подобной метаконцепции бытия со временем логически неизбежно будут возникать такие идеологии как материализм, атеизм, рационализм, позитивизм, социализм, коммунизм, нацизм, фашизм, либерализм, постмодернизм, глобализм, ЛГБТ¹, радикальный экологизм, чайлдфри, эвтаназия и т. д., ведущие к смерти человечества. Развитие нехристианских представлений в лоне христианства, тотальный натурализм, породили все эти нигилистические и античеловеческие идеологии.

В богословских главах Аксючиц исходит из принципиаль-

¹ Здесь и далее: ЛГБТ-движение признано в РФ экстремистским и запрещено.

но важной мысли, что в свете Нового Завета человек создан по образу и подобию Божию. А раз так, то он является, прежде всего, сотворцом Божиим, соучастником в Божием творении. Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом. Именно в христианстве человек становится венцом творения и средоточием мироздания. Ему предстоит преобразить в гармоничный космос неустроенный хаос земли. Преображение возможно только через духовное совершенствование человека, а общественные и государственные формы имеют ценность в той степени, в какой создают благоприятные условия для богоуподобления личности. Личную судьбу и историю мира он видит как Крестонесение, – со-творчество Богу, бесконечное восхождение из бездн хаоса к подлинному Бытию. Эту позицию он сам характеризует как *«трагический оптимизм»*.

Значительную роль в его философском наследии играют историософские построения, где центральная тема – Россия и её судьба в мировой истории. Россия реализует творческий замысел о ней Бога. Судьбу русского народа определяют прежде всего духовный архетип – воспитание народа Православием, и исторический архетип – влияние экстремальных природных и геополитических условий выживания на просторах Евразии. Именно поэтому Россия, которая в меньшей степени подверглась «натуралистическому» вырождению, может оказаться той цивилизацией, которая укажет всему человечеству пути духовного оздоровления и гря-

дущего преобразования. В современной пред-катастрофической ситуации по-новому зазвучали древние истины о миссии русского народа-богоносца, о Москве – Третьем Риме, несущем образ новой цивилизации, об удерживающем – Катехоне.

В Выводах Аксючиц предлагает конкретные формы преобразований мировоззренческой, религиозной, общественной, государственной жизни в России, своей масштабностью сопоставимые с проектами И. А. Ильина и А. И. Солженицына.

Пожалуй, это **главные** мысли, определившие логику этой книги и её назначение. Она развивает те идеи, которые были ранее высказаны Аксючицем в его основных трудах «Под сенью Креста», «Миссия Россия» и «Гибель богов натурализма». Постановка глобальных проблем диктует методологическое разнообразие книги, в которой сочетаются богословие, философия, историософия, история. Концепции Виктора Аксючица формировались с середины семидесятых годов прошлого века, в книге приводятся соответствующие цитаты из его «Дневника самосознания».

Несомненно, что книга **«Цивилизационная катастрофа, или Преобразование»** станет этапной в развитии современной русской мысли.

Минаков Аркадий Юрьевич – *доктор исторических наук, профессор*

Введение

Я себя ощущаю призванным и вас воспринимаю так же. Для меня вы служите примером чистоты исполнения творческого призвания.

Призванность борьбы за богочеловеческий облик есть призванность творческая и призванность гражданская. Имею в виду гражданство не государства и не мира даже. Мы граждане прежде всего небесной нашей Родины. Мы граждане небес, и там возложили на себя обязанности перед Творцом и друг перед другом.

Но посланы-то жить мы на эту грешную землю, в пределах этой жизни и в земной плоти обязаны осознать и воплотить своё небесное достоинство и своё гражданство. Мы имеем обязательства по отношению друг к другу по небесному счёту. В этом и есть смысл гражданства, как я его понимаю.

Не всем нам и не всегда достаёт сил отстоять своё гражданское достоинство, но это не означает, что оно перестаёт быть жизненным идеалом и целью.

Дневник самосознания.

9.06.85. Село Петухово Курганская обл.

Периодические распространения эсхатологических настроений свидетельствовали не о грядущем конце времён, а о смене господствующей цивилизации. Но впервые **суицид мирового гегемона грозит человечеству рукотворным**

апокалипсисом. Народы мира реально столкнулись с *пограничной ситуацией* – угрозой смерти. При этом во имя самосохранения организм человека мобилизует все внутренние резервы, кровь переполняет адреналин, чувства и сознание максимально обостряются. Слабые субъекты не выдерживают и теряют самоконтроль вплоть до разрушения идентичности. Сильные личности могут пережить прозрения, катарсис, ведущие к высокому духовному прорыву. Судя по всему, Запад и Россия персонифицируют эти полюса. Западные элиты в приступах страхов, неврозов и панических атак **самоистребляются в идеологиях небытия**: глобализма, ЛГБТ (признано экстремистским движением), радикального феминизма, культуры отмены, радикального экологизма, чайлдфри², эвтаназии... В каждую эпоху можно обнаружить формы сатанизма, но только ныне **дух зла явился открыто, вполне и всецело.** *«Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своём виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе ещё никогда не давались, – и мир это видит и не смеет послушаться»* (Н. В. Гоголь).

Европейская цивилизация создавалась христианством,

² Чайлдфри (англ. childfree – свободный от детей, добровольно бездетный), – субкультура и идеология сознательного стремления не иметь детей.

по-разному на западе и востоке Европы. Корни того, что Запад погряз в пороках и подвёл человечество к пропасти, в некоем изначальном пороке западного мировоззрения. Каковы его истоки и природа? Сохранится ли человечество перед лицом современных вызовов, и каково его будущее? Основные цивилизационные смыслы созданы в религиозном мировоззрении. Поэтому это вопросы прежде всего богословские и философские. Ибо *«Наступает, и уже наступило, время открытого спора и тяжбы о душах человеческих. Наступает время, когда во истину **каждый** вопрос знания и жизни должен иметь и получать христианский ответ, должен быть включён в синтетическую ткань и полноту исповедания. Наступает время, когда богословие перестает быть личным или “частным делом”, которым каждый волен заниматься или не заниматься, в зависимости от своей одарённости, влечений, вдохновения. В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то “общим делом”, становится всеобщим и католическим призванием. И всем подобает облечься в некое духовное всеоружие. Наступает время, и уже наступило, когда богословское молчание, или замешательство, сбивчивость или нечленораздельность в свидетельстве становится равнозначным измене и бегству от врага. Молчанием соблазнить можно не меньше, чем торопливым и нечётким ответом. И ещё больше можно самому своим молчанием соблазниться и отравиться. Впасть в укрывательство, точно вера*

есть “вещь хрупкая и не совсем надёжная”... **Вновь открывается богословская эпоха... наше время вновь призвано к богословию...** “Не плоть, но дух растлился в наши дни, – и человек отчаянно тоскует”... Именно потому, что мы уже вовлечены в эту апокалипсическую борьбу, мы и призываемся к богословию. Прилипчивому и обволакивающему безбожному и богоборческому воззрению приходится с особенным и напряженным вниманием противопоставлять твёрдое и ответственное исповедание Христовой истины... **Православие есть не только предание, но и задача, – нет, не искомое, но данное, но сразу и заданное, живая закваска, растущее семя, наш долг и призвание...**» (Прот. Георгий Флоровский).

Религиозному сознанию известно, что **представления о небесном выстраивают жизнь на земле**, а картина мироздания и осмысление роли человека связаны с тем, как человек понимает началополагающие события в бытии. Материалистическое сознание не может охватить источники богочеловеческих импульсов творения. Богословские категории и концепции оказываются **ключами, приоткрывающими тайну бытия**, и, вместе с тем, они являются **формулами метафизических решений** человека, которые впоследствии реализуются в истории. В отличие от науки (существующей несколько столетий) религиозное мировоззрение тысячелетиями осмысляет основные вопросы бытия: **как и для чего был создан мир и человек, каково назначе-**

ние человека в мироздании?

Необходимо определить **вывих в истоках западной христианской цивилизации**.

В первых трёх главах книги «Бытие» Ветхого Завета (Быт. 1. 1–3) иудаизм обобщил и углубил древние предания на тему творения мира и человека. Христианство приняло большинство книг еврейского Священного Писания в качестве канона Ветхого Завета Библии. При этом **толкования одних и тех же текстов отличаются**: для иудаизма это последнее и полное откровение Бога, для христианства книги Ветхого Завета толкуются в свете Новозаветного Благовестия как путь богоизбранного народа к Истинному Богу – воплощению Богочеловека. Кроме первых трёх глав книги Бытия: **христианские богословы переняли иудейское толкование творения и грехопадения человека**. (Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить статьи «Грехопадение» в еврейской и христианских энциклопедиях.) Дохристианские представления о творении мира и назначении человека **не были осмыслены в свете Благовестия Богочеловека**. **Натуралистическая** теория, не соответствующая Откровению Спасителя, была радикализована учением Бл. Августина о **первородном грехе**, передающимся при рождении младенца. При этом в Новом Завете нет никаких оснований исключать из христианского переосмысления тексты начальных глав книги Бытия. Глобальная духовная подмена не могла не отразиться в судьбе христианских

народов.

Натурализм (от *лат.* натура – природа, *франц.* – естественный) – мировоззрение, утверждающее природу в качестве единственной, универсальной реальности («*всё, что есть*»), исключаящей всякое сверхъестественное. **Материалистический** натурализм утверждает о существовании только материи. **Пантеистический** натурализм признаёт в качестве природы и некие духовные сущности (мировая душа, космическая энергия, невидимая духовная сила...). Если материалистический натурализм радикально антирелигиозен, то пантеистический натурализм открыто антипантеистичен, отвергая Единого Личного Бога. Материалистический натурализм в христианстве сказывается в уподоблении образа Бога и Божественных свойств материальным и человеческим качествам. Распространены различные формы социоморфизма, – перенесение на Бога свойств и форм человека, нередко о Боге судят по качествам, которые для людей считаются худшими (гнев, жестокость, несправедливость...). Стремление к власти и неоправданное материальное стяжание служителей Церкви тоже основаны на материалистических, а не духовных приоритетах. Рецидивы пантеистического натурализма сказываются в увлечении разного рода нехристианскими мистическими практиками – в сектантстве, в масонстве, в магических и оккультных традициях, в парапсихологии... Неоязычество возвращает к пантеистическим представлениям.

Натуралистические тенденции присутствуют и в христианстве, являясь благотворными в той степени, в какой они не подменяют общение с Богом и служение Богу. Христианство нацеливает человека не отвергать, а преобразовать плоть, освящать различные материальные формы. Храмы, богослужения, иконопочитание, почитание мощей святых, «намоленные места», сами церковные таинства являют собой преобразённую материальность. Феномен *«русского двоеверия»* демонстрирует, как некоторые языческие представления и праздники были преобразены и органично включены в православные традиции. Некоторые церковные праздники связаны с древней языческой традицией и сельскохозяйственным календарем: Масленица, Троица, Ивана Купала, Яблочный и Медовый Спасы, Радоница, пасхальные яйца.

Определённые тенденции **природного магизма** могут органично вплестаться в христианское Предание. *«В Великой Руси имело место не столько двоеверие, сколько постоянное проникновение первобытного анимизма в развивающуюся христианскую культуру. Анимистическое восприятие природы гармонично сочеталось с православным отношением к истории в весеннем празднике Пасхи»* (Д. Х. Биллингтон³). Но при чрезмерном усилении натуралистические тенденции в христианстве оказывались разрушительными.

Поскольку все формы натурализма нацелены на отвержение божественной природы и богоподобной челове-

³ Директор Библиотеки Конгресса США.

ской свободы, они являют перманентную угрозу в христианстве. Некоторые натуралистические искажения и заблуждения ошибочно принимаются и со временем становятся авторитетными в христианской традиции. Натуралистическая привязанность чувств и сознания христианских мыслителей ограничивает их кругозор научно известным существованием человека на планете Земля в рамках одного эона⁴, хотя есть признаки более древних цивилизаций. За пределами рассмотрения остаётся осознание с позиции Благовестия Богочеловека бесконечного космоса, мироздания. Представления о вечности, о загробном существовании души, о воскресении человека преисполнены проекций телесной жизни на земле. Задача богословской и философской христианской мысли **обнажать и верифицировать эти искусственные наросты, а соборного церковного сознания – возвышаться до новых высот богопознания**.

Катастрофа современной западной цивилизации, чреватой гибелью человечества, свидетельствует о том, что она во многом изначально выстроена ложными ориентирами. **Натуралистическая концепция грехопадения-первородного греха влияла** на формирование идеалов и ценностей, веками определяла представления о вселенной, о человеке и его роли, была исходной точкой различных мировоззренче-

⁴ Эон (от др. – греч. век, эпоха, вечность) – Довременная вечность либо известная длительность времени существования человечества, планеты Земля, космоса.

ских позиций.

В свете этого необходимо **сравнить состояние современного человечества с образом мироздания, который возникает из традиционного толкования грехопадения.** (Анализ концепции «грехопадение», принятой в христианской мысли, – в первой главе книги.) Из которого следует:

1. Образ Бога-Творца **далёк от образа Богочеловека Нового Завета**, но соответствует иудейским представлениям о Боге как **Жёстком Судии.**

2. Мир сей **не создан Творцом непосредственно** и не является тем, про который сказано: *«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»* (Быт. 1. 31). Мироздание проявляется в результате изгнания в него человека после грехопадения, оно является своего рода **тенью творения Божиего.**

3. **Все толкования предельно натуралистические**, ограничены природным измерением, будто Бог Творец создал не вечную человеческую душу, а только плотского человека, не мироздание и бытие в целом, а только планету Земля со всем на ней. Да и сам рай толкуется как некое место на земле. Оттого **натуралистические представления пронизывают христианское мировоззрение.**

4. Человек попал в этот мир не в результате свободного, сознательного и ответственного самоопределения в соответствии его образу и подобию Божию, а вследствие **само-**

вольного дурного проступка. Бог человека в мир не посылал, сам человек осознанно не собирался. Присутствие его в мире сем обусловлено бессознательной (при запрете плодов Древа Познания) провинностью, чем **обесмысливается его жизнь и спасение в мире сем**.

5. Начало космоса и земной истории положено не творческим актом Бога и не свободным соучастием вечной человеческой души – **сотворца Божиего**, а греховным падением **перволюдей** на *землю*. Вся космическая драма, вся мировая история изначально не нужны ни Творцу, ни богоподобному созданию Его, и этим **обесмыслены**. Нет начального целеполагающего творческого акта, и не предполагается конечное творческое приращение, что только и наделяет смыслом всякое бытие и всякий творческий акт. И **как из бессмысленного случайного начала может произойти осмысленный благой итог, из недолжного падения – взыскуемое преобразование – Новое Небо и Новая Земля: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали (Откр. 21. 1)?**

6. Концепция грехопадения не настраивает человека на преобразование бытия, а формирует манихейское⁵ **отношение к мирозданию**. С одной стороны, мир сей – падший, низший, безблагодатный, и потому заслуженно вызывает отношение

⁵ Дуалистическое учение о борьбе равно существующих двух противоположных, независимых друг от друга добра и зла, света и мрака, духа и материи как изначальных принципов бытия.

к себе как к свалке сырья для «высших» потребностей человечества. Человек, по существу, не отвечает за ту землю, куда изгнан в наказание, и которую он призван покинуть, «вернувшись» в рай. Падший мир, такой, какой он есть, и может быть только таким, каков он есть. Человек может забыть, что призван покинуть эту землю и вернуться в первоначальные сферы, но ему навсегда внушено чувство, что **мир сей обречён быть самодостаточно-безблагодатным**.

7. Человек ущербен по своему происхождению в мире и предельно ограничен в своём призвании. По сути, изначально падший человек лишён богоподобного достоинства и сотворческой миссии в мироздании, ибо образ и подобие Божие он утерял в грехопадении и утвердил в первородном грехе. Его судьба в руках «божественного фатума», что порождает чувство фаталистической обречённости и пассивность, либо агрессию на «не справедливого» создателя. Выбор человека определяется его своеволием, безответственным распоряжением жизнью, историей, мирозданием.

8. Натуралистический универсум грехопадедного мировоззрения диктовал предельно ограниченное представление о сущности и назначении христианского человека, общества, церквей. Когда образы вечности являются отражением мира сего, за место на небе приходится бороться земными средствами. Все христианские деноминации убеждены, что **Откровение Творца вселенной и спасение**

адекватно и полно явлено только им, а все другие христианские народы – еретики, в лучшем случае схизматики. Народы же, не ведающие Христа, католиками и протестантами воспринимаются как нелюди. Отсюда крестовые походы против нехристиан и для обращения в «истинную веру» «псевдохристиан», порабощение и истребление нехристианских народов нескольких материков. Для псевдорелигиозной мотивации всем участникам крестовых походов даровались индульгенции – освобождение от наказания за совершенные грехи.

9. В исторической деятельности европейские **христианские народы руководствовались иудейской концепцией грехопадения** и под её гипнозом старозаветными жестокими максимами.

Такой образ бытия возникает из иудейской концепции грехопадения, заимствованной христианским мировоззрением. Но разве не **таким видят человека и мир все западные идеологии**: материализм, атеизм, рационализм, позитивизм, социализм, коммунизм, нацизм, фашизм, либерализм, постмодернизм, глобализм, ЛГБТ (признано экстремистским движением), феминизм, культура отмены, радикальный экологизм, чайлдфри, эвтаназия...?! Различные идеологические системы по существу исходят из одного корня, разыгрывая вариации безблагодатности и самодостаточности материального мира, богооставленности, фаталистической предопределённости или безот-

ветственного своеволия человека. **Все радикальные идеологии сформировались на Западе в результате последовательных выводов из ложной метаконцепции бытия**, согласно которой человек выброшен в низший – сугубо природный мир, где ему неведомо небесное достоинство, вселенские творческое назначение, права и ответственность. Идеологии сталкиваются с христианским Благовестием о Богочеловечестве в споре о мире и человеке. Но восстание на призывание христианства порождено внутри западно-христианской цивилизации. Мир, в котором мы мучаемся и погибаем сейчас, во многом запрограммирован ложной установкой, которая глубоко поразила христианскую цивилизацию и которая впервые оформилась в некритически заимствованной в иудаизме концепции грехопадения, усиленной учением бл. Августина о первородном грехе.

Рецидивы ветхозаветного законничества и натурализма в христианской культуре сдерживали проявление основополагающих качеств человека: **творческую свободу и вселенскую ответственность**. Этот Божественный дар нередко подавлялся обскурантистским – враждебным к духовному просвещению религиозным воспитанием. Неунитарный **инстинкт свободы прорывался в жизнь искажённым**: человек не хочет понимать и отвечать за что-либо по существу, он упоён чувством безответственного обладания. Веками христианские иерархи пытались сковать в человеке то, что считалось причиной его грехопадения – сти-

хии плоти, пола, жажду познания. При этом борьба с природными проявлениями в человеке велась преимущественно натуралистическими методами, так сожжение на костре трактовалось как очищение душ еретиков.

Неудержимая сила, вырывающаяся из-под косной религиозной опеки, нередко превращала человека в демоническое существо. Современная ненасытная погоня за благами цивилизации и уродства *сексуальной революции* – это болезненная реакция на многовековое тотальное табуирование. Христианское Благовестие учит, что не должно необузданно раскрепощать в человеке природные стихии, но забывалось, что христианство призвано не к отвержению, а к благодатному **преображению плоти**.

Духовная ориентация христианских народов нередко искажалась из-за отсутствия **целостного учения о божественной миссии человека**. Это вело к тому, что церковное спиритуализировалось (отрывало от плоти ложными идеологемами), одновременно натурализировалось (наполнялось материалистическими предрассудками), а мирское – секуляризировалось, обмирщалось, отрывалось от духовных основ. Крайний спиритуализм мышления вырождались в абстрактный идеализм, который явился предтечей *диалектического материализма*. Аскетическое смирение без осознания творческой ответственности вырождались в лжесмирение, прикрывающее религиозное своеволие, гордыня монашеского аскетизма доводила до презрения к миру и людям.

Вопреки всем стихиям мира сего христианская культура веками воспитывала **личностное начало** в человеке. Но в него изначально были вплетены чуждые тенденции, **искажающие духовный рост личности**. Вечная человеческая душа не вмещалась в ограниченный и ущербный мир, в котором человек пытался себя определить в христианские века. Слепой бунт против Церкви во многом порождён отталкиванием от этой ложной опеки. Но на свободу душа вырвалась, поражённой двоемыслием и цинизмом, и потому новоевропейский человек, стремясь к необузданному овладению миром, несёт стихии разрушения.

В основе однобокого развития европейского сознания и секуляризации — **изначальная искажённая установка, пронизавшая христианское мировоззрение**. Культура, называющая себя христианской, ещё не обрела подлинно христианской направленности. Многие её сферы не были пронизаны смыслами Благовестия. Новозаветное Откровение, возвращающее к исходным началам, обнажает многие ветхие слои в том, что принято считать христианством. Внутри христианского мировоззрения содержались нехристианские представления, развитие которых и породило атеистические и античеловеческие идеологии. Христианская цивилизация слагалась в результате столкновения христианского Благовестия о новой твари с богоборчеством.

История народа — это жизнь соборного исторического организма: свои состояния, взлёты и

падения, рождение, молодость, зрелость, старость и смерть, своя судьба, самотождество «Я», – судьбу проживает один субъект, циклы цивилизации.

Дневник самосознания. 2001

Не обошло пагубное влияние натуралистической концепции грехопадения и Русское Православие. Но если ложные представления о творении мироздания и назначении человека **усилили и вооружили экспансионистский инстинкт европейских народов**, то русский народ **внутренне пережил натуралистические соблазны**. Во все века в русской истории были великие достижения. Но некая духовная болезнь, червоточина ослабляла национальный дух и тело, была причиной трагедий, приведших, в конечном итоге, к российской катастрофе XX века. Устояв, мы отряхиваем её токсичную пыль, мобилизуем здоровые силы и приобретённый иммунитет, очищаемся и набираемся мощи для новых исторических побед. Для полного оздоровления мы должны видеть в национальной судьбе не только великие свершения, но и определить пороки и ошибки, первые для примера, вторые для преодоления.

Западную цивилизацию настигли неизбежные последствия исторической реализации глобальной натуралистической установки, русский народ сумел выжить и оздоравливается после смертельных духовных борений. Опыт преодоления с огромными жертвами богоборческой идеологии наделил русский православный народ иммунитетом к современному

разгулу западного сатанизма. **Перед апокалиптическими всполохами по-новому звучат древние истины о миссии русского народа-богоносца, о Москве – Третьем Риме, несущем образ новой цивилизации, об удерживающем – Катехоне.**

Таким образом, к нынешней эпохе тотальной апостасии⁶ западное христианство подошло в том числе и потому, что не вполне осмыслены основные истины **Благовестия Иисуса Христа**: о творении мира и его цели; о создании человека и его вселенском назначении; о вечности человеческой души; о природе библейского *рая* и *земли*, духа и плоти, материи, хаоса; о рождении, смерти и воскресении; о времени и вечности; о происхождении и природе зла; о сущности добра. На некоторые вопросы не даётся никакого ответа, либо ответ оказывается крайне натуралистическим, ограниченным природными явлениями, одновременно предельно рационалистическим, и поэтому наивным, лишённым метафизического измерения. Помимо **цивилизационной травмы** концепцией грехопадения в этом есть и определённая историческая закономерность. Назначение христианских народов во времени постепенно осознавать и воплощать через заблуждения и падения истины, явленные Откровением Богочеловека. Богословское и философское познание по преимуществу добавляет и развивает предшествующую

⁶ Апоста́с и я (*греч.* – отступничество) – отступничество от христианства, вероотступничество.

щие концепции, в отличие от науки, в которой новые открытия превращает предшествовавшие в заблуждения. Вместе с тем, некоторые богословские философские концепции осуществляют синтез на уровне эпохи, выполняя роль ступени при восхождении к истине. Поэтому многое из того, что казалось незыблемым, оказывается **познавательными конструкциями**, необходимыми и возможными для данного времени средствами осмысления. Назначение вечности и вызовы времени требуют их творческого переосмысления. Вместе с тем, **глобальная экзистенциальная катастрофа** требует очистить христианское сознание от сакрализованных по историческим обстоятельствам смыслов, от ошибок и заблуждений.

Нередко религии учат не о вечности, не о спасении вечных душ, а о земном преуспевании. Религиозные организации, ориентированные и ориентирующие по преимуществу на природные, земные измерения, добиваются большей дисциплины и спаянности своих адептов, более эффективны в достижении общественных целей: борьбы с инакомыслием, влияния на государственную власть, хозяйственной и экономической деятельности, в борьбе с враждебными религиями. **Чем жёстче религиозные требования, чем успешнее исторические достижения, тем дальше они от собственно религии, как связи человека с Богом, от подлинной веры в Бога, от спасения вечной человеческой души.** Предельным выражением этой закономерности явля-

ется тип исламиста-смертника, верящего в вечные наслаждения в райских кущах.

Некоторые методологические установки, которые я наметил в начале творческого пути.

Дневник самосознания. 20–25.06.81

Формы (этапы) богочувствования и богопознания

Натуралистическое: – божественная природа ощущается и мыслится по аналогии с натуральным, то есть естественным миром; – древнейшие религиозные верования (тотемизм, натуралистический магизм); – всё сковано магической причинностью; – материалистично; – обожествление образов природных сил и стихий, предметов, вещей, организмов, существ.

Социоморфическое: – по аналогии с социумом; – категории властвования, авторитета, рабства; – образы социальных и индивидуальных отношений; – деление богов на социумы; – родственная и личная связь богов (греческий пантеон).

Эмоциональное, чувственное: – проецирование человеческих чувств, эмоций, страстей, аффектов; их обожествление и их конкретных проявлений; – боги Олимпа живут по законам социума и законам чувств.

Рациональное: – абстрактное, спекулятивное; – божественная природа сводится к мыслительным категориям; – задаётся логический универсум, который диктует закономерность системных

построений; – мир идей Платона; – Единство, Несложность, Безначальность, Нерождённость и т. п. – схоластика; – сторона Патристики; – гегелевский панлогизм.

***Духовное:** – видение духовных реальностей, полноты истины, добра, красоты, их источников как прежде всего духовных; – дуализм духа и мира; – неотмирность человеческого назначения; – теогония; – великие христианские мистики (Экхарт, Бёме); – сторона Патристики; – откровение Духа, Свободы, Любви; – Бог открывается как Путь и Жизнь.*

***Целостное, персоналистическое:** – истинно теoантропоморфично, то есть личностно; – индивидуальная встреча всей полноты человеческой личности с глубиной Божественной Личности; – личная встреча; – мир – как путь и этап персонификации бытия, то есть путь Богочеловечества; – личность – как источник всех реальностей и ценностей; – личность – дух и свобода; – любовь – адекватнейшее проявление свободы личного Я; – личность как микрокосм; – отсюда истинная иерархизация всех ценностей; – истинная ориентация всех путей и способов богопознания; – Бог открывается как диалектика личностной жизни, где и покой, но и движение, и трагедия, и единство, но и множественность, и Себе довлеет, и принимает обусловленность, и могущественен, но унижен и страдает, и потенция, и акт; – именно в этом абсолютность свободы Бога; – дуализм рабства*

и свободы; – все предыдущие этапы богопознания получают своё место и свой смысл.

Предлагается анализ сложившейся антихристианской по сути концепции грехопадения и первородного греха, а также попытка прочтения библейского сказания в свете Новогозаветного Благовестия. О пагубном влиянии **религиозного натурализма**, укоренённого в концепции на европейскую цивилизацию, на духовные травмы в Русском Православии и России. Углублённое переосознание некоторых христианских истин. Историческая миссия русской цивилизации.

Предложенные в книге смыслы сформировались в начале моего творческого пути, десятилетиями работал над ними. Конечно, *шабашка* (сезонная строительная работа в сельской местности) была платой за свободу. Тяжким трудом я приобретал шесть-семь месяцев свободы, творчества и жизни с семьёй. Приобретал, конечно, и здоровье, налитую бронзовую мускулатуру – от тасканий вёдер с бетоном. На *шабашке* я чувствовал себя, как пианист, который каждый день обязан играть на фортепиано, но каждый день вынужден колоть дрова, я существовал в непрерывной депрессии, особенно от вынужденного общения с номенклатурными работниками. Спасали книги (читать можно было только ночью или в дороге). В изнурительной нервной работе мучили вечные и «больные» вопросы, рука тянулась к перу и бумаге (которой могли быть листок из блокнота, бланк телеграммы, какая-либо справка...). Так сложился *дневник самосознания*,

с которым не расставался и куда вписывал философские грёзы, приходящие в самых неподходящих ситуациях. Заметки из него привожу в качестве эпиграфов к разделам.

В трудное время гонений, когда исчезали в тюрьмах друзья, дом терзали обысками, меня – арестами и допросами, угрозами лагерного срока, когда каждую написанную страницу приходилось прятать у друзей, когда казалось – ничто не оставляет надежд на избавление от беспросветного мрака, – Творец даровал другое жизненное измерение, явилась молитва, в которой я обрёл упование и силы исполнить творческий долг.

Молитва современника 18.03.84

В ночи душа моя, но жизнь моя – свет любви Твоей, Господи. Теряю силы, но не оставляю надежды, погружаюсь во мрак, но не теряю веры, ожесточаюсь сердцем, но алкаю милосердной любви Твоей, Господи.

Господи, прими под сень Креста Своего и дай сил пронести крест мой. Господи, открой мою душу страданиям чад Твоих и умением не терять мужества при том. Господи, Бог мой, одари меня твёрдостью и непреклонностью, и при том – состраданием и чуткостью, ибо без первого невозможно устоять, без другого немислимо совершить. Господи, Иисусе Христе, научи – как видеть полноту и, переживая мировое бедствие, не терять присутствия духа до последнего мгновения. Господи, Спаситель мой, дай сил, ощущая разверзшуюся пред нами бездну, не окаменеть

от горя, но и не потерять спасающую надежду.

Господи, отверзи уста мои, ибо немощен сам я, и уста мои воздадут хвалу Тебе, ибо преисполнено сердце моё Духом Твоим. Господи, отверзи очи людей достойных, но ослеплённых. Господи, спаси ближних моих, за души коих ответственен я, защити нас от обстояния зла, ибо и самые немошные – чада Твои. Аминь.

I

Творение. Грехопадение

*Если бы человек только пал, то мир был бы совершенно иным. Такое понимание **того, что произошло**, следует не из общих рассуждений, а из вживания в облик и учение Спасителя и из понимания конкретной истории. Я описываю **то, что было**, а не факт. Другое дело – как его понимать.*

Из полемики 11.1984

Противоречия толкования книги «Бытие»

Во всех толкованиях первых трёх глав книги «Бытие» Библии, где повествуется о творении мира и человека, о грехопадении человека, можно выделить некий **инвариант**. Авторы, несмотря на разные позиции, объединяет молчаливое признание некоей основы. Попробуем изложить общепринятую в христианской традиции концепцию библейского сказания.

Бог творит мир, создаёт рай посреди земли. Рай представляет собой своего рода духовно-материальную сферу. Бог

творит человека в раю и для жизни в раю. Человек создан по образу и подобию Божию, то есть обладает полнотой благодати. Вместе с тем, человек является инфантильным существом, ибо не обладает знанием и самосознанием, что не соответствует его богоподобности. Посреди рая Богом насаждаются Дерево Жизни и Дерево Познания добра и зла. Бог разрешает человеку питаться от всех *дерев*, кроме плодов Дерева Познания добра и зла. Человек предназначен для вечной жизни в раю, к вечному пребыванию в том состоянии, в котором он создан. Человек призван уподобиться Богу, любовь к Богу основана на бескорыстном наивном доверии к Творцу. Человеку заповедано: «...*плодитесь и размножайтесь...*» (Быт. 1. 22).

В целом назначение человека видится совершенно пассивным. Приведём типичный пример описания миссии человека в святоотеческой литературе: «*Сотворивший нас Бог не желал, чтобы мы заботились и суетились относительно многого, – ни того, чтобы мы пеклись и промышляли о своей жизни... Бог желал, чтобы мы были такими же бесстрастными, как Он... Бог желал, чтобы мы были и свободными от забот, имеющими одно дело, дело ангелов: неусыпно и непрестанно воспевать хвалы Творцу и наслаждаться Его созерцанием, и на Бога возлагать свою заботу*» (св. Иоанн Дамаскин). Ряд авторов не сомневается, что единственная задача человека в Эдеме, в Раю и на земле – буквальное следование заповеди *плодитесь и размножай-*

теть.

Сатана в образе змея искушает человека, предлагая Еве вкусить плод запретного Дерева Познания добра и зла. Адам и Ева нарушили запрет Бога и вкусили плода от Дерева Познания. Грех Перволюдей заключается в непослушании Творцу, сознательном и умышленном противопоставлении себя Богу. Адам и Ева нарушили повеление Бога потому, что хотели стать вечными как Бог, и, зная, что есть добро и зло, быть единственными владыками собственной судьбы. Это бунт против Бога, отказ далее зависеть от Того, Кто их сотворил. Со вкушением запретного плода Адам и Ева потеряли милость Божию, первоначальное целомудрие, невинность и стали греховными.

Природа греха обычно толкуется в двух смыслах. Одни авторы утверждают, что **грехопадение произошло в области пола**. Греховный плод пробудил у перволюдей похоть плоти, люди познали плотские наслаждения и оказались в их плену. В этой традиции женщина рассматривается как источник и носитель злого начала, искушающего собственно человеческую – мужскую природу. Это влияние древних иудейских представлений, оформленных в Каббале, где говорится о том, что падение Евы состояло в совокуплении её со змеем. Из русских богословов эту традицию развивают прот. Сергей Булгаков и Владимир Лосский, хотя к другим проблемам у них разные подходы.

Другие авторы считают, что **грехопадение соверши-**

лось в области человеческого познания . Со вкушением плодов от Древа Познания человек утратил первоначальное невинное, целостное созерцание Бога. Утерев интуитивное, непосредственное знание, он впал в соблазн аналитического, рационального расчленения бытия. Греховное познание отъединяет от истины, делает сознание фрагментарным, частичным. С помощью такого знания человек приобретает всё бóльшую власть над предметами, но теряет глубинную связь с космосом. Стремление к **ненасытному интеллектуальному обладанию** ведёт к разрушению природы и порабощению человека. Подобной позиции придерживался Лев Шестов.

Общим для обеих традиций является убеждение, что земная история человечества является результатом изначального греховного падения перволюдей. Через плод Древа Познания людям открылось **то, что должно было быть от них навсегда скрыто**, и это открытие превратило их невинную природу в греховную. С первородным грехом люди потеряли изначальное целомудрие, которым они были наделены Творцом. За нарушение Божественного запрета Адам и Ева изгнаны из рая на землю, где в поте лица вынуждены добывать свой хлеб. Из состояния невинного блаженства они впадают в состояние греховности и страданий. Вместо беззаботного райского существования они обречены на тягостный без-благодатный труд. На земле люди становятся смертными, ибо Бог для того и изгнал их из рая, чтобы гре-

ховные люди не вкусили ещё и от Древа Жизни и не стали жить вечно.

Адам и Ева становятся прародителями всего человечества. Души людей создаются Богом в момент зачатия. Перво-родный грех – следствие грехопадения Адама и Евы распространяется на всех людей и передаётся как бы по наследству. Назначение людей на земле состоит в том, чтобы искупить первородный грех, прожить земную жизнь так, чтобы она открыла возможность душе после земной смерти человека вернуться в райские сферы – в первоначальное состояние невинности, в котором и были созданы Адам и Ева.

В качестве дополнения к сказанному и иллюстрации общепринятого толкования можно привести статью **А. И. Покровского** «Грехопадение прародителей» из «Православной богословской энциклопедии» (под редакцией А. П. Лопухина, СПб., 1903 г.): *«Печальный факт грехопадения первых людей... красной нитью проходит через всю историю не только ветхозаветной, но и новозаветной религии, являясь тем основным узлом, около которого сосредоточивается и развивается вся драма мировой истории. Подлинный смысл этого безыскусственного повествования совершенно прост и ясен и кратко может быть передан в следующих немногих словах. Первозданная чета наслаждалась в раю полным блаженством и бессмертием. Сам Бог являлся им и руководил их духовно-нравственным развитием, даровав им для этой цели, а равно для испытания их благодарности к Нему*

и послушания Его святой воле, особую, весьма легкую заповедь о невкушении плодов с одного из множества райских деревьев. Такому невозмутимому блаженству прародителей позавидовал диавол и решился погубить их. Для этой цели он вошёл в змия и приступил с искусительной беседой к Еве, в которой он сначала поколебал уверенность её в непреложности заповеди, затем поселил чувство недоверия к Богу, затем возбудил горделивое желание сравняться с Богом, и, наконец, воздействием на её внешние чувства окончательно склонил её волю к нарушению заповеди. Согрешивши сама, Ева к тому же увлекла и своего мужа Адама. Так пали прародители человечества, а в лице их и всё будущее их потомство, то есть весь человеческий род. Общей причиной грехопадения прародителей послужило, по смыслу Библии, злоупотребление с их стороны свободой своей воли, более частной – преступное желание жены выйти из подчинения Богу и сравняться с Ним; наконец, поводом ко всему этому явился соблазн, приражённый жене извне, от диавола».

Дальше и пойдёт речь о том, что подлинный смысл события, около которого сосредоточивается и развивается вся драма мировой истории, **не может быть** совершенно простым и ясным.

Можно заметить, что общепринятое **толкование преисполнено противоречий**, которые невозможно разрешить в рамках его представлений. Обычно противоречия эти не замечаются или же попытки их решения наивны и носят нату-

ралистический характер.

Происходит **смещение духовного и натуралистического измерений**. Описываемые события являются основополагающими в бытии. Повествуется о метафизических, духовных явлениях и процессах, вместе с тем, язык толкования натуралистический. В первых главах книги «Бытие» речь идёт не только о творении земли и всего на ней, не только человека, но и всего мироздания. Вершатся судьбы бытия в целом, но всё описывается в образах бытовых сценок, частных психологических мотивировок, инфантильных эмоций и страстей. Общий фон – среда и тон, манера, характер, стиль толкования **несоразмерны катастрофическому событию, которое лежит в основе бытия**. При таком подходе непонятно, как эти камерные сцены смогли определить жизнь вселенной, её смысл, общечеловеческое назначение.

Для иллюстрации можно привести эпизод из толкования грехопадения **прот. Сергием Булгаковым**. Этот пример тем более характерен, что гениальный богослов в этом вопросе решил только повторить традиционный взгляд: «... *И вместо того, чтобы прекратить разговор, Ева унизилась до беседы со змеем о Боге и Его правде. Дело было, конечно, не в том, что она разговаривала с животным, – напротив, в общении с животными было священное преимущество безгрешного человека. Предосудителен был предмет разговора, и одним уже этим фактом ослаблялась животворная*

связь Евы с Адамом. Обманно втянутая в роковой круг первого отъединения, – от мужа, Ева становилась одинокой, слабой, лишённой его защиты. Такова была первая измена Евы. Вторая же её измена состояла в отпадении от любви Божией и родившемся от него неверии, которое, конечно, немедленно стало искать в свою пользу “аргументов”. Уже тем, что Ева услышала вопрос змея и на него ответила, она засвидетельствовала, что находится, по крайней мере, в тот момент вне любви Божией, и Бог для неё есть лишь чуждый повелитель, “хозяин”, которого она пыталась в меру своего умения защитить и оправдать в его образе действий. Тогда змей, видя, что жертва попала в его сети, смелее их разворачивает. Он уже прямо лжёт... и клеветает, приписывая Ему (Богу) зависть к людям и боязнь сотрудничества...». Текст выдающегося богослова демонстрирует, насколько непреодолимыми оказываются устоявшиеся пред-**рассудки** в решении **проблемы проблем**.

Язык традиционных толкований как бы продолжает язык библейского сказания. Но одно дело мифологический язык Библии, который образно повествует о событиях вселенских и метафизических. И другое дело – современный натурализованный язык, описывающий эмпирические явления. Толкование библейского сказания требует **богословского углубления в проблему**. Подобно тому, как для создания христианского Символа Веры понадобилась разработка на основе неоплатонизма богословских категорий, ко-

торых изначально не было в Новом Завете, так и требуется подлинно богословское осмысление вопроса «творение и грехопадение».

Каковы основные **внутренние противоречия традиционной концепции**? Райское состояние человека определяется как невинное, целомудренное, инфантильно, и, вместе с тем, человек – образ и подобие Божие, что значит – обладает полнотой бытия, является законченным сам в себе. **Если человек не завершён, то он не богоподобен, если же он окончательно завершён, то непонятно, как и куда он должен развиваться, в чём состоит его рост?** Указание некоторых авторов на то, что человек сотворён только по образу Божию, а подобие Божие он должен приобрести сам, не разрешает этого противоречия. Ибо ни в одной из концепций не дана характеристика онтологического различия между *образом* и *подобием*, а без качественного различия не может быть развития от одного состояния к другому, – нет параметров роста. Кроме того, текст сказания даёт мало оснований для выделения такого принципиального различия между этими понятиями.

Непонятно, **зачем человек должен стремиться преобразить мир сей, если он попал сюда случайно**, по своей греховности, а не послан в мир с благой миссией. Или назначение преобразования даётся ему «вдогонку», уже после падения?! Как бы попутно с возвращением в первоначальное состояние Творцом даётся вселенское задание: спасти и пре-

образить всё творение Божие! К этой бессмысленной формуле по сути и сводится трактовка грехопадения.

До конца не осмыслен запрет на вкушение плода от Древа Познания добра и зла. **Почему богоподобному существу, венцу творения Господь налагает не мотивированный для него запрет.** Бог поступает с человеком несоразмерно статусу отношения Творца и Его подобия. Из того, как традиционно описывается мотивировка запрета, решающего судьбу человека и мира, возникает образ наивного и безответственного, ещё невменяемого человека, с одной стороны, и капризного, эгоистического и жестокого Бога – с другой. И это есть дурная антропоморфизация – человекоуподобление, когда о Боге и Первочеловеке судят не по высшим, а по низшим качествам человеческой природы.

В рамках традиционного толкования **не осмыслена концепция рая.** С одной стороны, всё, что создано Богом – не только *небо* и рай, но и *земля* со всем животным и растительным миром, – «*хорошо весьма*» (Быт. 1. 31). Но, с другой – остаётся необъяснимым их явное сущностное противопоставление актом изгнания грешных людей из *рая* на *землю*. Если *рай* духовно-материален, то какова природа *земли*? В чём их принципиальное **онтологическое различие**?

Откуда и куда по существу изгоняются перволюди после грехопадения? Если это переход из одного состояния бытия в другое, то из какого в какое? Или, как утверждают многие авторы, человек изгнан из *рая*, который находился на земле в

буквальном смысле, – где-то между Тигром и Евфратом? Если так, то куда исчезает *рай* с земли после изгнания людей? Если бы было возможно такое событие, меняющее облик бытия, то оно было бы настолько катастрофическим либо творческим явлением, что не могло пройти бесследно для космической эволюции и духовного знания человечества. Между тем, следов этого началополагающего явления нет ни в природе, ни в Библии. И где сейчас тот *рай*, в котором обретали перволюди? Какова его природа? Как соотносится предвечный *рай* Адама и Евы с тем раем, в который после смерти возносятся души праведников? Если это один и тот же рай, то взыскуемое возвращение людей в рай не будет возвратом в первоначальное состояние, ибо изгнаны двое – Адам и Ева, – а возвращается неисчислимое человечество.

Таким образом, в самой концепции проскальзывает предощущение некоего **прибавления бытия, во имя которого и совершается творение мироздания**. Но об этом нигде явно не говорится, и это предощущение не развивается. Ещё больше о творческом приращении бытия говорит представление о том, что рай после конца времён – иной, нежели рай первозданный. Такое представление хотя и не развивается, но следует из толкования и не отвергается явно.

Можно заметить некоторые смысловые **несоответствия толкования тексту библейского сказания**. Исполнение заповеди *плодитесь и размножайтесь* **невозможно до грехопадения** и без него, ибо грехопадение людей, по тол-

кованию, и заключалось в том, что они познали способ собственного размножения. В тексте сказания *змея* не характеризуется как злая сила, тем более как сатана. И в Библии, и в близкой к ней ближневосточной мифологии образ змея издавна обозначал некое амбивалентное – **двойственное начало**. Он характеризовался одновременным проявлением противоположных качеств, соединяющих доброе и злое, небесное и земное, мужское и женское... Противоречит отождествление образа *змея* со злом и указание в Новом Завете: *«будьте мудры, как змии»* (Мф. 10. 16). В библейском сказании не говорится определённо о таком назначении человека, которым наделяет его толкование, что будто бы весь ход истории имеет своей целью вернуть человека к его **первозданному** состоянию. Это привнесение, насилующее и букву, и дух Библии.

Онтология «первогреха»

Эта проблема (грехопадения) настолько сложна, запутана и вместе с тем всеобъемлюща и актуальна, что требуются всё новые и новые подходы к ней, уточнение формулировок, прояснение смыслов.

Дневник самосознания. 17.08.84

Толкование грехопадения во многом **не соответствует основным христианским истинам**. Если душа человека создаётся Богом в момент зачатия, то она, строго говоря, не является вечной, ибо **вечность в одну сторону – не вечна**. Противоречие и в том, что **вечная душа творится импульсом из тварного мира**, – ибо зачатие есть акт природный, каким бы оно ни было – случайным или провиденциальным. **Не может вечная душа иметь начало во времени**.

В толковании невозможно найти удовлетворительный ответ на вопрос: **каким образом наследуется первородный грех, если душа каждого человека творится Богом в момент зачатия?** В связи с этим возникает ряд недоумений. Почему человек несёт ответственность за то, что совершилось не только до него, но что не имеет **никакой** существенной связи с ним? Как душа приобретает грех, к которому она не имеет **никакого** отношения? Все попытки отве-

тить на этот вопрос сводятся к следующим логическим ходам.

1. Бог вкладывает грех в создаваемую душу, творит каждую душу грешной. Это предполагает допущение, что Творец может создавать и злые сущности, или же Творец связан в Своём творчестве последствиями проступка перволюдей. Бог как бы вынужден всё дальнейшее творение «корректировать» в сторону греха в соответствии с греховной волей Адама и Евы. Но всё это недопустимо, ибо **искажает христианские представления** о природе Всеблагого и Всемогущего Бога.

2. Эстафета первородного греха передаётся не через души людей, а **через мировую плоть**: если рождающаяся душа никак не связана с душами предшествующих поколений в вечности (ибо её там и не было), если Бог не может быть источником греховного творения, то остаётся единственный канал передачи первородного греха – хаотическая космическая материя. Но **бессмысленный хаос сам по себе не может быть носителем какого-либо смысла**, даже вполне отрицательного.

Ни один из этих ответов с христианских позиций недопустим. Но других направлений в поисках ответа на этот вопрос **нет**. Более того, в рамках принятой концепции грехопадения других вариантов логически **не может быть**.

Попытку как-то выйти из этого противоречия предпринял **св. Григорий Нисский**. В противовес общепринятым

взглядам, оформившимся под сильнейшим влиянием блаж. Августина, он пытается отделить грех Адама от первородного греха, – первый является лишь причиной последнего. Человеку не вменяется в вину расстройство его природы – природная склонность к греху, хотя она и вошла в человеческую природу через грех первого человека. Эта *предрасположенность ко греху* является первопричиной всех грехов, но не вызывает греховность принудительно. Всякое уклонение ко злу является актом свободной воли на почве природного расположения к греху. Но эта глубокомысленная концепция была малораспространённой в Русском Православии, где господствовало западное учение блаж. Августина о первородном грехе. Учение св. Григория Нисского только пытается приблизиться к существу проблемы, но не решает её, ибо остаются открытыми вопросы о «каналах» наследования *греховного расстройства человеческой природы* в Адаме, о причине и смысле наследования человечеством *предрасположенности к греху*.

То, что творение вечной души человека непосредственно и жёстко завязано на земном зачатии, накладывает на традиционное толкование неразрешимые противоречия. Если зачатие случайно, то почему на хаотический импульс из времени Бог вынужден отвечать актом вечного творчества? Если же зачатие – создание вечной души происходит по воле человека, то в делах миротворения господствует человеческий произвол. В обоих случаях Творец превращается как

бы в «автомат с кнопками», нажатие которых, чем бы оно ни было вызвано – человеческой волей или произволом, – вынуждает Бога творить вечную человеческую душу.

Чтобы избежать логический тупик, придётся предположить, что зачатие не может быть случайным и не определяется волей человека. Но это приводит к признанию божественного фатума в качестве **единственной** действующей в мире силы, что отменяет свободу человека и превращает его в безвольную песчинку. Ясно, что оба решения – **не христианские по существу**, но, опять же, **по внутренней логике традиционной концепции иных решений и не может быть**.

Таким образом, как заметил Вл. Соловьев, господствующий взгляд на происхождение душ, отрицающий их предсуществование и утверждающий, что во время образования каждого человеческого тела особым актом Божественной воли творится из ничего соответствующая ему душа, – заведомо отказывается от всякого разъяснения богословских и философских трудностей, связанных с предметом.

С позиций креационизма⁷ **решить проблему по сути невозможно**. Без ответа остаются многие вопросы, которые не может не ставить христианская мысль. Откуда вечная душа приходит в мир? Если душа бессмертна, то в чём ко-

⁷ Креационизм (от *лат.* создавать, учение о сотворении) – в патристике и схоластике концепция, согласно которой в результате зачатия возникает только тело, душа же создаётся Богом из ничего в момент зачатия и соединяется с телом.

вечный смысл этого бессмертия? Как «жизнь» в бессмертии связана с жизнью в мире: что в вечности – от жизни, и что от вечности присутствует на земле?

Бог создаёт подобное Себе существо, которое, как сотворец Богу, должно знать всё, что касается творения Божия. Но, с другой стороны, **Бог скрывает от человека** именно то, ради чего он создан – **смысл творения Божиего, который заключён в знании добра и зла**. Мало того, Творец налагает категорический запрет на познание добра и зла, тем самым приговаривая вечного человека **к вечному незнанию**, ибо никакое знание невозможно без приобщения к критериям добра и зла, то есть *знания всего* (по другому переводу понятия «Дерева познания добра и зла»).

Без познания добра и зла человек не богоподобен, он не может являться со-творцом Богу. Вне этого знания человек наивен и инфантилен, строго говоря, невменяем. Ибо неспособен совершить сознательный выбор, а значит, и нести за него ответственность. Без знания добра и зла невозможно совершить ни греха, ни благого деяния, только в этом смысле перволюди являются невинными существами.

Для бессознательных импульсивных существ, каковыми и являются Адам и Ева, категорический запрет чего-либо не только является необоснованным и непонятным, но **запрещение как таковое для него не существует, ибо оно не может быть осмыслено в ряду должного и недолжного**. Запрет в такой ситуации может быть только физическим

насильственным актом, сопротивление которому не может подлежать нравственному суду. Получается, что Бог творит бессознательное, безответственное существо, но ставит его в ситуацию полностью осознанного и ответственного выбора и осуждает его по высшей мере ответственности. Всезнающий и Милосердный Бог **обрекает** человека на греховный поступок и, тем не менее, подвергает его жестокому суду. Эти **нехристианские выводы логически следуют из общепринятых в христианстве толкований.**

К этому можно добавить, что вкушение плодов познания добра и зла ещё не является грехом, соединением со злом, так как **познание** критериев добра и зла не означает **совершения** выбора. Поэтому необоснованным представляется осуждение за акт познания как за злой поступок.

Попытки в рамках сложившейся концепции грехопадения разрешить противоречие между всезнанием Бога и созданием человека таким, что он предопределён к падению, приводит к казуистике – изворотливости в доказательстве ложных или сомнительных положений, крючкотворству, которые очень далеки от христианства. Так, **преп. Максим Исповедник** учил, повторяя в этом св. Григория Нисского: *«Существо, начавшееся с изменения, сохраняет сродство с изменением. Вот почему Тот, Который, по слову Писания, видит все вещи до их рождения, рассмотрев, или, вернее, предусмотрев по предвосхищающей силе Своего ведения, в какую сторону мог бы уклониться свободный и независимый*

выбор человека, как только Он увидел, что из этого могло бы произойти, “надбавил” к образу разделение на мужской и женский; это разделение не имеет никакого отношения к Божественному Первообразу, но оно, как уже говорилось, связано с неразумной природой».

Иными словами, Творец создал человека таким, каким хотел и, естественно, знал, что такой человек неизбежно падёт, и потому заблаговременно прибавил к его природе женское начало, которое наиболее склонно к падению. И хотя всё это создано Разумом Бога, всё же это есть *неразумная природа* в человеке. Эти взрывающие друг друга смыслы неестественно объединены во имя того, чтобы **сохранить представления об изначальной пассивности человека**, но таким образом, чтобы оправдать Бога: перенести ответственность с ответственного и все решающего Творца на безответственное, младенчески невинное существо.

В большинстве толкований утверждается, что первоначальное назначение человека в раю заключалось в бесстрастном созерцании Бога, в воспевании хвалы Его могуществу, в наслаждении созерцанием Бога. Но пассивное, нетворческое назначение **не соответствует** статусу человека как венца творения, средоточия бытия, соратника Божиего в творении. Такое назначение богоподобной твари **унижает** и Самого Творца. Бог есть прежде всего Свободный Творец, а человек подобен Богу прежде всего в том, что он является свободным творческим существом. Либо человек как образ Бога – ак-

тивный сотворец Богу, либо человек действительно является пассивным, бесстрастным существом, призванным только к созерцанию, но тогда человек не богоподобен. Здесь одно исключает другое.

Это противоречие настолько явно, что некоторые авторы пытались идти дальше в попытках разрешить его. Наиболее дерзновенным в христианском предании является учение **св. Максима Исповедника** о первоначальном назначении человека. Приведём изложение его у **В. Н. Лосско-го** в работе «Догматическое богословие»: «Св. Максим Исповедник с несравненной силой и полнотой обрисовал миссию, возложенную на человека. Последовательным “разделением”, из которых состояло творение, соответствуют в его описании “соединения”, или синтезы, совершаемые человеком благодаря “синергии” свободы и благодати. Основное разделение, в котором коренится вся реальность тварного бытия – это противопоставление Бога совокупности тварного мира, разделение на тварное и нетварное. Затем тварная природа разделяется на небесную и земную, на умозрительное и чувственное. В мире чувственном небо отделяется от земли. На её поверхности выделен рай. Наконец, обитающий в раю человек разделяется на два пола: мужской и женский. Адам должен был превзойти эти разделения сознательным делением, соединить в себе всю совокупность тварного космоса и вместе с ним достигнуть обожения. Прежде всего, он должен быть чистой жизнью, союзом бо-

лее абсолютным, нежели внешнее соединение полов, преодолеть их разделение в таком целомудрии, которое стало бы целостностью. На втором этапе он должен был любовью к Богу, от всего его отрешающей, и в то же время всеобъемлющей, соединить рай с остальным земным космосом: нося рай всегда в себе, он превратил бы в рай всю землю. В-третьих, его дух и само его тело восторжествовали бы над пространством, соединив всю совокупность чувственного мира: землю с небесной её твердью. На следующем этапе он должен был проникнуть в небесный космос, жить жизнью ангелов, усвоить их разумение и соединить в себе мир умо-зрительный с миром чувственным. И наконец, космический Адам, безвозвратно отдав всего себя Богу, передал бы Ему всё Его творение и получил бы от Него во взаимности любви по благодати – всё, чем Бог обладает по природе; так, в преодолении первичного разделения на тварное и нетварное совершилось бы обожение человека и через него – всего космоса. В результате грехопадения человек оказался ниже своего призвания».

Богословское и философское познание не сродни научному, где сегодняшнее открытие превращает вчерашние в заблуждения. Тем не менее, определённая богословская концепция, осуществляющая **синтез на уровне эпохи**, может становиться ступенью восхождения к истине. Многое из того, что казалось незыблемым, оказывается **временными мыслительными конструкциями**, необходимыми и воз-

возможными для данного времени средствами осмысления.

Не забывая, что учение св. Максима Исповедника является не заблуждением, а исторической ступенью в богопознании, дерзновенным духовным синтезом, тем не менее, подвергнем его критике, так как эта ступень воспринимается многими современными авторами как единственно доступная вершина, застывший венец богословской мысли.

Прежде всего, с христианской точки зрения творение мироздания Богом не может сводиться к *последовательному разделению*. Ибо творчество – это создание не бывшего, *выведение из небытия в бытие*. *Обожение* человека в этой концепции сводится к тому, что человек призван последовательно воссоединить то, что Творец предварительно разделил. Такое *преодоление разъединения* тоже **не является творческим преобразованием**. Мир в данном представлении выглядит как арена механической игры Бога в разделение-соединение. Это больше похоже на неоплатонические и гностические учения об эманации – истечении из Единого Божества, а не на библейские представления о творении Богом мира из ничего.

Умаление творческой роли Бога ведёт к умалению твари и творческого назначения человека. *Преодоление первичного разделения на тварное и нетварное* не есть преобразование в новую тварь, а возвращение и полное слияние с Божеством того, что из Него истекало, эманировало. Бог однозначно оценил Собственное творение: *«И увидел Бог всё,*

что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1. 31). Поэтому назначение тварного мира не может состоять в том, чтобы вновь слиться с не-тварным до полного неразличения, то есть перестать быть.

Дух безличностного неоплатонизма проявляется и в том, что в этом учении совершенно не говорится о назначении человечества в целом. Получается, что вечные души людей могли народиться только на этой грешной земле в результате греховного падения первых людей. Поэтому при конечном слиянии тварного и нетварного человечество должно уйти туда, откуда оно и возникло – в небытие.

Все эти идеи явно противоречат принципу христианского **персонализма**, представлениям о воплощении Божественной Личности в человеческой личности, о назначении вечных человеческих душ.

Принято считать, что земное назначение человека в том, что он должен заслужить возвращение в первоначальное состояние райского блаженства. Это тоже рецидивы теории эманации, согласно которой всё должно вернуться к исходному началу, откуда оно истекало. Но, кроме того, это возвращение невозможно по логике этого же учения, ибо изгнаны из рая Двое, а возвращается бесчисленное человечество.

В рамках традиционной концепции существуют попытки решить это противоречие предположением, что Адам и Ева – всечеловечество – заключают в себе волеизъявление всех людей. Но это входит в противоречие с представлениями о

том, что душа каждого человека творится в момент зачатия. Строго говоря, человечество, помимо Адама и Евы, является новым прибавлением в бытии, досозданием Богом того, чего ещё не было в первоначальном творении, которое описывается в первых главах книги Бытия. Получается, что **религиозный призыв обесмысливается**: человек предназначен искупить первородный грех, который он не совершал, да и не мог бы совершить; призван вернуться в блаженное райское бытие, в котором его душа и не была.

Необоснованными являются и представления о том, что Творец создаёт мироздание, времена и сроки; творит подобное Себе, свободное творческое существо; Сам Бог идёт на распятие ради творения, – и всё это для того, чтобы Божие творение вернулось целиком к исходному началу, безо всякого творческого приращения, чтобы космическая драма не имела никакого исхода.

Если человек создан по образу и подобию Творца, то он является, прежде всего, соучастником в Божием творении, сотворцом Божиим. Творческое назначение человека и его вселенское бление за всю тварь впервые открывается в полной мере в христианстве. Новое Благовестие Бога, воплотившегося в человеке, напоминает человеку: «...*Царствие Божие внутри вас есть*» (Лк. 17. 21), а это означает, что человек – венец творения и средоточие мироздания. Концепция же грехопадения совершенно **не переосмыслена в свете Нового Откровения** о вечном назначении человека и его

творческой миссии. Все традиционные христианские толкования этой проблемы составлены так, **будто не было Новозаветного Благовестия**.

И, наконец, одно из главных несоответствий, которое изначально сковало христианскую мысль, создало множество неразрешимых проблем. В рамках традиционного толкования невозможно решить по-христиански проблему происхождения зла. Это, с одной стороны, формировало традицию обвинения Бога во зле, логическим итогом чего явился атеизм (логика этого рода описана, например, Ф. М. Достоевским в рассуждениях Ивана Карамазова о *слезинке ребенка*). С другой стороны, попытки оправдать Бога породили множество казуистических систем **теодицеи** – богооправдания.

Строго говоря, в той картине, которую рисует нам традиционное толкование, виновником мирового зла является Сам Творец, ибо Он создаёт неискушённое беспомощное существо, но ставит его в ситуацию, которая требует осознанного ответственного решения; налагает произвольный запрет, никак не мотивированный логикой и смыслом миротворения, не ясный и не понятный самому человеку, но наказывает человека по высшей мере ответственности.

В данном случае **мера проступка несоизмерима с мерой наказания**. Величайшее из возможных наказаний по справедливости должно иметь под собой величайшее из возможных преступлений. По бесконечному милосердию Божию и оно могло быть прощено. Но мы не обнаружива-

ем той грандиозности преступления и предательства, которые могли навлечь такой гнев Божий. Тем более, мы не обнаруживаем милосердия Божиего. Не случайно во всех богословских формулировках того, что должны были совершить Адам и Ева и что они предали, да и сам проступок выглядят камерными, даже лубочными по сравнению с описаниями вселенских, трагических, катастрофических последствий поступка.

Адам и Ева, по существу, были предопределены Богом к грехопадению, однако они наказаны с наивысшей строгостью. Но если невинное младенческое существо не могло не совершить того, что породило зло, то значит Бог **является источником и виновником зла**. Логика концепции грехопадения приводит к неизбежному выводу о том, что немилосердный жестокий Бог отвечает за мировые страдания, несправедливости и зло жизни. Беспощадно последовательный человеческий ум вынужден был приходить к этому безысходному выводу. А далее уже полный тупик: **боль за мировую несправедливость приводила к богоотрицанию, безбожию – атеизму, к богоборчеству**. Искреннее религиозное чувство многих не допускало додумывать вопрос до трагического финала, и мятущийся человеческий разум искал выход на подступах к нему. Это и породило множество систем богооправдания. Но **все существующие теодицеи⁸ не являются по существу христианскими**.

⁸ О теодицее – концепциях богооправдания в главе «О природе зла» в книге

Ибо они представляют собой попытки **соединить несоединимое**, покоятся на внехристианских представлениях о Боге, мире и человеке. В них отсутствует «логика» христианской любви, сострадания, милосердия, прощения. Все известные в христианстве теодицеи сводятся к трем вариантам.

1. Источник зла видится в глубине самого Божества (*бездна* в Боге – *Ungrund* – у Бёме, *безосновная основа*, *бездна Божества* – по **Ф. Шеллингу**, оказывающаяся чем-то неразумным и тёмным, эта бессознательная воля является источником раздвоения Абсолюта). Но после этого никакая казуистическая апология **не способна** превратить Бога, порождающего зло, в Бога добра.

2. Причина зла укореняется вне Бога, в некоем независимом от Творца начале (*неисследимая бездна*, *меон*, по **Николаю Бердяеву**, «*первичнее Бога и вне Бога*», – источник свободы и зла). Это приводит к гипостазированию добра и зла, что наиболее отчетливо сформулировано в манихействе. И это, в конечном итоге, **превращает Бога в не-бога**, ибо умаляет основные божественные свойства.

3. Зло сводится к недостатку в бытии, по сути к иллюзии, фикции (в *теодицее Лейбница*). Но это есть форма отсрочки или **отказа** решать проблему по существу. Кроме того, подобный антиперсонализм и полное равнодушие к человеческим страданиям более близко индийской религиозности, чем христианству.

Таким образом, **в рамках толкования получается, что Бога невозможно не обвинить, но Бога невозможно и оправдать.** Конечно же, всё это не имеет отношения к Самому Творцу. Мы знаем, что Бог не нуждается в оправдании, ибо Его невозможно обвинить. Но это заставляет предположить, что **всё было не так**, как представляется в общепринятых концепциях «творения и грехопадения».

Нехристианское в христианстве

Какой образ Бога вырисовывается в традиционной интерпретации грехопадения? Творец изображается строгим законодателем, жёстко регламентирующим всю жизнь человека, вплоть до мелочей. Бог – жестокий Судия, свирепо наказующий за нарушения предписанного Им. Бог проявляет только гнев, а не милосердие, жестокость, а не любовь, наказание, а не прощение. Но **это образ Бога ветхозаветного, а не христианского!** Бог христианства – Богочеловек, Иисус Христос, принявший плоть человека. Его жизнь, Учение и заповеди, Его крестный путь, Его Смерть на Кресте, Его Воскресение во плоти, Его явление в преображённой плоти, Его Вознесение раскрывают Бога беспредельной любви, милосердия, сострадания, прощения, свободы. **Сложившаяся концепция грехопадения сформулирована вне основополагающих христианских истин о Боге .**

Что открывает человечеству и миру Благовестие Воплотившегося Бога? Бог явился миру не бесплотным ангелом, Он воплотился в человеке, а не в какой-либо стихии или существе. *Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом,* – говорили святые отцы Церкви. Этим человек утверждается как **средоточие бытия**, в его вечной душе решаются судьбы мироздания.

Бог прошёл **крестный путь жизни** и призывает к этому

человека: «...кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10. 38); «Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ...Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11. 29–30). Бог распят на Кресте силами мира сего, и Бог воскрес в преображённой плоти. Этим открылась и человеку путь в Царство Небесное: *смертию смерть поправ, через Крест – спасение, через смерть – воскресение*.

Бог – это Любовь. «Любовь есть не имя, но Божественная сущность, сообщающая и непостижимая и совершенно Божеская» (Преп. Симеон Новый Богослов). Подобно тому, как «Бог есть любовь» (1 Ин. 4,8), и личность есть любовь. Прообразом мировой любви является отношение ипостасей Божиих в Святой Троице.

Непосредственным источником любви, как высшего Божественного отношения и соединения, является Ипостась Духа Святого. Сила духа есть сила любви, проистекающая от личности. «Любовь от Бога» (1 Ин. 4,7), и в мир любовь приходит через божественное в личности. Только личность способна любить – ценить кого-то более себя. Вершина любви в мире, любовь сама по себе есть высшее духовное тяготение личности к личности, есть высшая связь личностей: Личности Бога и личности человека, личностей человеческих между собой.

Христос учит **милосердию** («...милость превозносится над судом» – Иак. 2. 13), прощению, сораспятию Богу и людям. Христос призывает человека к **активной роли в бы-**

тии: «*Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе*» (Иак. 2. 17); к **ответственности за свою судьбу и за мироздание в целом.** Господь одаряет человека **свободой:** «*Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода*» (2 Кор. 3. 17); «*Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нём, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своём действии*» (Иак. 1. 25); «*Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы*» (Иак. 2. 12).

«*Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода*» (2 Кор. 3, 17), и первое именование личности – это **свобода.** Личность неотделима от свободы, но не тождественна ей, личность есть субъект свободы, источник свободы, свобода является в мир через личность. Личность соединяет в себе своеобразие замысла Бога о конкретном человеке и его назначении и вместе с тем ответ вечной души, помысел человека о самом себе. Творец восхотел, чтобы человек свободно создал сам себя и свободно пришёл к единению с Богом. Человек и будет таковым, каким он себя создаёт. Личность – начало самоопределяющееся, самосозидающее. Она сама в себе несёт источник всех своих действий. В этом её образ и подобие Творца. Личность – заданность, не статическое бытие, а динамическое непрерывное самополагание. Чтобы быть личностью, необходимо ею становиться. Свобода – онтологическое основание, метафизический центр личности. У отцов и учителей Церкви личность есть свобода по отно-

шению к природе. Свойство, принадлежащее природе, может быть присуще личности, но не определяет её.

Образ человека и роль, которая отводится ему традиционным толкованием грехопадения, **далеки от христианского откровения о человеке и мироздании**. Из этого следует, что **христианская мысль некритически заимствовала иудейскую концепцию грехопадения**. Дохристианские представления о творении мира и назначении человека **не были переосмыслены в свете Новозаветного Откровения**. Тексты Ветхого Завета для христиан являют путь богоизбранного народа к Истинному Богу – явлению Богочеловека, в то время как для иудаизма – это полное и окончательное откровение Бога. Поэтому толкования одних и тех же текстов совершенно разнятся в иудаизме и христианстве. Вместе с тем, **статьи «Грехопадение» в еврейской энциклопедии и в христианских энциклопедиях практически идентичны**. Прежде чем анализировать данный парадокс и его последствия, отмечу, что в христианском Писании нет никаких оснований исключать из христианского осмысления тексты первых трёх глав Библии. Как возможно, что радикальное переосмысление христианством конца истории и мироздания не меняет ветхозаветный смысл о начале мироздания и истории? Благая весть о Воплощении, крестной смерти и Воскресении Богочеловека требует вскрыть более глубокие смыслы в библейском сказании о начало-полагающем акте бытия.

Существует мнение, что творил мир не Иисус Христос, а Бог Отец, который и проявляет себя как жёсткий Повелитель и Судия. Но по христианским представлениям Бог Творец – это Триипостасный Бог, все Ипостаси Божии принимают участие в творении мироздания (*Агнец заклан от века* – Деян. 8. 32; Кор. 5. 7; Откр. 13. 8).

Не могут в основу мироздания полагаться одни принципы (несвободы, запрета, жестокого наказания) с тем, чтобы затем Творец через Благовестие Иисуса Христа открывал человеку истины прямо противоположные. Другое дело, что историческому человечеству откровение Божие является постепенно, соответственно человеческим силам – через ветхозаветное к новозаветному. Но коль Новое Благовестие явлено, то в свете его должны быть **переосмыслены все начала и принципы, смысл истории и метаистории**.

Глобальная катастрофа, как следствие суицида Запада, коренится в религиозных основах западноевропейской христианской цивилизации. **Основные признаки ложных привнесений** в христианскую мысль – **тотальный натурализм, бездуховность, рационализм** изначально привитые **иудейской концепцией грехопадения**, которая ограничена природными измерениями и явлениями. В ней **вечная человеческая душа, её миссия** в земном существовании и по исходу из жизни описываются как некий **материальный субъект, имеющий время и место пребывания** даже после земной смерти: материализованные образы рая и ада,

мытарств души после земной смерти... Все представления ограничены и прописаны только известными авторам периодами земной истории человечества, будто **отсутствуют не только вечность, но космос и вселенная, и само бытие**. Распространены не духовное почитание, а магический культ икон, святых, мощей, храмов как «мест силы». Образ Бога предельно заземлён и антропоморфен. Человеческие пороки приписываются Богу как достоинства, – Бог не только карает, насылает войны и бедствия, но и мстит, *попуская зло*. Соответственно, человеческие отношения к Богу мотивируются не любовью, состраданием и милосердием Божиим, а преимущественно *страхом Божиим*. Если для воспитания младенца требуется запугивание как предупреждение (*нельзя, горячо, опасно*), то со годами инфантильный подход вреден. С веками взросление христианского человечества требует со стороны церковных учителей более адекватной катехизации, с большим доверием Новозаветным истинам.

На натуралистической мировоззренческой основе сформировался ряд распространенных и временами господствующих среди христиан учений, не имеющих оснований в Откровении Богочеловека.

Влиятельное в христианские века **учение об антихристе** основывается на единственном высказывании в Новом Завете: «*Дети! последнее время. И как вы слышали, что **придет антихрист**...*» (1 Ин. 2:18). Со ссылкой на это сложилась фантастическая объёмная концепция, утверждающая,

что антихрист – противник Иисуса Христа, человек, противостоящий Христу, выдающий себя за Мессию, он должен прийти вместо Христа. Поскольку запуганное христианское сообщество в каждую эпоху так и не дождалось якобы грядущего антихриста, то появилась представление о множестве антихристов: Нерон, Пётр I, Наполеон... Представление об антихристе-человеке, противостоящем Самому Богу в определённое мгновение тысячелетий на конкретной песчинке бесконечного космоса – несостоятельно онтологически. Построение на этом глобальной историософской концепции о смысле и конечности бытия – это интеллектуальный и духовный инфантилизм, способный видеть и объяснять всё только в ограниченных натуралистических проекциях.

Распространенным стал **атрибут антихриста и зла как такового число зверя, число дьявола 666**, со ссылкой на фразу в Новом Завете: *«Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»* (Откр. 13. 18). Одержимость разоблачения и борьбы с числом 666 не затихает перед тем фактом, что и Библия имеет страницу с этой цифрой.

Второму пришествию Иисуса Христа должна предшествовать эпоха *«великой скорби»*, в которой Бог будет *изливать ярость на всех живущих на Земле*. Богословы богословствуют, будет ли этот период длиться в течение 7 лет, или 3,5 лет, буквально толкуя два новозаветных текста: *«Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира*

доньне, и не будет» (Мф. 24. 21). «Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7. 14). Отчего и как «разъярённый» Бог любви христианства наказывает за грехи всего человечества отдельное поколение, не осмысляется. Как и то, какое отношение это имеет к представлению о спасении в вечности вечных человеческих душ.

После власти антихриста явится **второе пришествие Иисуса Христа** и наступит **тысячелетнее Царство Божие на земле**. Концепция *хилиазма*⁹ основывается тоже на единственном упоминании в Новом Завете: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело своё и на руку свою. Они ожили и **царствовали со Христом тысячу лет**» (Откр. 20. 4). Из этого делается вывод о периоде *торжества правды Божией на земле*, когда *Иисус Христос с христианами будут править миром тысячу лет*. Это представление не соответствует Новозаветному Благовестию, христианской картине мира, а является рецидивом иудейского учения о политическом господстве мессии. Почему сполна явленному

⁹ **Хили́ азм** (от греч. χίλιός тысяча), или **милленар и зм** (от лат. mille тысяча + лат. annus год) – богословское понятие (теория), представления в рамках христианской эсхатологии о «периоде торжества правды Божьей на земле», в котором Иисус Христос и христиане будут править миром на протяжении тысячи лет.

Откровению Богочеловека требуется «второе пришествие», тем более *земное правление Христа в течение тысячи лет?* Отчего безусловное торжество Бога-Творца должно предвзраться эпохой победы зла? Чем поколения *тысячелетнего царства на земле* заслужили избранничества только тем фактом, что они живут после явления антихриста?.. Православная Церковь официально не формулировала позицию по этому вопросу. Православные богословы избегают буквально трактовать *Тысячелетнее царство* и считают, что *Царство» это— сама Церковь*. Но среди верующих распространены примитивные хилиастические представления.

Поскольку буквальное толкование ограничено земной историей и никак не относится к миссии вечных человеческих душ, разрабатывались спиритуалистические формы хилиазма. Одни богословы считают, что *тысячелетнее царство* возвращается исторической миссией Церкви, что подготавливает *второе пришествие* Христа. Другие христианские мыслители считают, что *тысячелетнее царство* является после пришествия Иисуса Христа через Церковь, которая в конечные времена будет **восхищена с земли на встречу с Иисусом Христом**. Это учение основывается на буквальном толковании текста Нового Завета: «*Потом мы, оставишеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем*» (1 Фес. 4. 17). Различные богословские направления полемизируют о времени *восхищения Церкви*: будут ли верующие вос-

хищены до *великой скорби*, по середине её, или после всех страданий. Богословская мысль заиклена на рационалистических частных схемах, а не универсальных истинах христианского Благовестия.

Христианская мысль, **проштампованная натуралистическим подходом иудейской концепции грехопадения**, бьется в рамках земного существования и исторического времени, а не вечности, речь о произвольно ограниченных поколениях людей, а не о всём христианском человечестве, тем более не о бытии в целом.

После *земного тысячелетнего Царства Божиего* грядёт конец времён, **всеобщее воскресение из мёртвых и Страшный суд или Судный день**, устанавливающий состояние человеческих душ в вечности под *Новым Небом* и в *Новой Земле*. Бог выявляет праведников, определяя им награды в вечном раю, и грешников, присуждая к наказаниям в вечном аду. Распространённые в христианстве представления по этим темам основаны на **буквальном толковании** Новозаветных текстов, **пронизаны и ограничены натуралистическими представлениями концепции грехопадения**. В них речь идёт не о Спасителе, а о жестоком ветхозаветном Судии. Не о вечных человеческих душах как *образов и подобий Бога, со-творцов Божиих*, а о сотворённых в земных актах зачатия душах, которые приговорены за грехопадение Адама и Евы (к которым бесконечный сонм человеческих душ не имеет онтологического отношения, да и

никакого отношения) к временной земной юдоли, по итогам которой получают приговор вечного блаженства либо вечных мук. **Таков ли итоговый образ бытия задумал Творец Небесный?! Вера из страха наказания не выдерживает испытаний, нередко приводит к богоборчеству. Религиозные истины не усвоены вполне, если внедряются боязнью Страшного суда.**

Рассмотрим, каким образом нехристианская установка, сложившаяся при толковании основополагающего библейского сюжета, сказалась в христианской истории.

Начала и концы

Подобные противоречия и несоответствия показывают, что **толкования наделяют сказание о творении и грехопадении чуждыми смыслами**. Текст первых глав Библии и его толкование имеют различные духовные ориентации, они в некотором смысле разнонаправлены. Состояние духа тех, кто записывал сказания, и тех, кто их толкует, во многом различно. Они видели мироздание и миссию в нём человека по-разному. В чём же **экзистенциальные причины различия их религиозных установок?**

Почему и как произошло это **глобальное мировоззренческое искажение**? Оно не могло быть только результатом всеобщего ослепления на протяжении тысячелетий. Его причины коренятся в природе человеческого познания, которое фрагментарно по своей природе.

На традиционном толковании грехопадения запечатлелся дух предшествующих христианству эпох. В раннем христианстве ещё пересиливала инерция языческого мировоззрения различных форм. В них человек ощущал себя неотрывным от природных измерений, ему было неизвестно и только приоткрывалось представление о вечной индивидуальной душе. В представлениях о Божественном господствовали натуралистические образы, либо Божественное Существо воспринималось как абсолютно Трансцендентное, вместе с тем

Всевластное над тленным человеческим существом. Опаляющая истина о воплощении Абсолютного Бога в человеке сводила с ума, вызывала безудержную агрессию и кровавые гонения на христиан. Святоотеческая гениальность сосредоточилась на разработке главных тем Новозаветного Благовестия: – сущность Богочеловека и Триипостасного Бога, на основе высочайшей философии эпохи неоплатонизма. В представлении о происхождении и сущности человека была некритически заимствована иудейская концепция, которая соответствовала господствующему натуралистическому сознанию. Затем она была усилена учением о первородном грехе Блаженного Августина. Западноевропейскому христианству был больше свойственен аристотелевский натурализм и рационализм, в отличие от мистического духовного платонизма Византии.

Чтобы разглядеть за ветхими одеждами вечные смыслы, придётся различить **онтологические уровни проблемы**. Прежде всего, необходимо выделить само **метасобытие** – изначальный факт **теоантропогенеза** (происхождения богочеловеческого начала), «**то-как-это-было**». Естественно, **метафизический акт миротворения** непосредственно не явлен нам. Он трансцендентен по отношению к нашему сознанию и чувству, ибо мы в мире сем, а событие это – предмирно, неотмирно. Мы знаем, что «**это-было**», хотя бы потому, что мы есть и есть мироздание. Нам не доступно что и как «**это-было**». Но наша религия и наша вера убежда-

ет нас, что вечное в нас причастно **«тому-как-это-было»**. Вечные человеческие души несут через земную плоть воспоминания о начальных актах в вечности. Древние мифы и являются фиксированием этих отрывочных воспоминаний, ибо в древности человечество ещё очень близко к началу бытия, в его сознании ещё не стерты остатки **образов вечности**. Но выразиться эти образы могли в той форме и в той степени, которая была доступна конкретной эпохе. Богооткровенный текст Библии наиболее полно и адекватно выражает то, что из небесной предыстории мог вместить человеческий дух, это «дыхание» вечности, воплощённое в земных образах.

Теоантропогонические акты могут быть высвечены библейским сказанием фрагментарно и замутнённо, ибо неизреченная глубина событий в вечности не вполне доступна человеческому разумению. Но Богооткровенный смысл библейских сказаний в том, что они способны говорить больше того, что написано буквой. Это не только письменное сообщение, а воплощённое **свидетельство**, в котором присутствует Дух Божий.

Религия нацеливает человека на встречу с Богом, с самим собой в вечности, встречу, которая здесь на земле может произойти только через Священное Писание. Потому чтение Священного Писания и становится центром богослужения, что в этом **душа человека восходит к своим корням в вечности, к Божию престолу**. В молитвенном об-

ращении к Божественному Писанию человек входит в такое состояние, когда работают не только разум и чувство, но целостный дух его. Жизнь собирается к собственному **метацентру**, мы начинаем вспоминать исходный смысл в себе, экстатически входить в смысл когда-то свершившегося (экстаз – восхищение, выход за пределы себя). Священный текст пробуждает в нас **дух бытия**, но открывается он только по мере нашей открытости Истинному Богу.

Итак, выделяются следующие уровни проблемы:

- **Началопологающий в бытии акт** («то-что-было»), который сам по себе трансцендентен по отношению к миру.

- **Священные Писания**, в которых **первобытийный акт** явлен в наивозможнейшей полноте; Божественное действие не сводится к тому, что выражено в Писаниях, но переводейство является и объявляется наиболее существенно через Божественные Писания; поэтому **сказание** Библии становится для нас **полнотою факта**.

- **Толкование** или концепция, которая сама по себе многослойна: несёт в себе **метафизический «факт»**; отражает **экзистенциальное состояние эпохи**; выражает исторически сложившиеся отношения к «факту».

Чтобы пробиться к смыслу «**того-что-было**», необходим **феноменологический анализ** (исследование смысла, значения, сущности предмета через раскрытие форм проявления, снятие напластований заблуждений и предрассудков) вопроса грехопадения. Это позволит отделить и оце-

нить слои толкований «факта»: того, что исторически открывается в священных сказаниях и слагается в традицию философского и богословского осмысления.

Принятое в христианстве толкование библейского сказания о творении и грехопадении сложилось в определённую эпоху, и на нём запечатлен дух того времени. К первому веку до нашей эры в иудаизме формулируется концепция грехопадения, которая становится господствующей и в христианстве вплоть до настоящего времени: *«Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают её принадлежащие к уделу его»* (Прем. 2. 23–24); *«О, что сделал ты, Адам? Когда ты согрешил, то совершилось падение не тебя только одного, но и нас, которые от тебя происходим»* (3 Езд. 7. 48).

Предхристианские века, когда в иудаизме сложилось определённое толкование творения мира и грехопадения человека, характеризуются **конкретной духовной ситуацией**, которая наиболее ярко проявилась в жизни богоизбранного народа: погружённостью вечных душ в мировую плоть, порабощённостью космическим и социальным хаосом, оглушённостью стихиями мира сего, всеобщим чувством богооставленности, духовным отчаянием, растерянностью, религиозным испугом, – всё это концентрировалось в борьбе неустойчивых монотеистических тенденций с доминирующим язычеством.

Человек дохристианской эпохи мог вычитать в вечных сказаниях то, на что был способен, находясь в состоянии падения и беспредельного отчаяния. Когда дух человечества ещё не просветлен Боговоплощением, все его видения смутны, в них истина уживается с ложью. Ужас богооставленности заслонял людям смысл земного пути и его начало. Племена и народы, вглядываясь в своё пра-прошлое, смутно различили в нём начало своих земных терзаний. И в таком состоянии духовного смятения начало мира было оценено **как падение и грех**. Казалось, что на бессмысленные страдания людей могла толкнуть только их бессмысленная своевольная гордыня. У человечества не могло хватить религиозных сил взглянуть объективно на своё состояние и объяснить своё стенание. На формирование концепции грехопадения оказал влияние не столько бескорыстный поиск истины, сколько стремление **снять с себя невыносимое бремя богооставленности**. Это вызывало стремление найти виновных. Виновны же те, с кого все начало быть – перволюди, по воле которых человечество оказалось во тьме богооставленности. Поэтому первый шаг первых людей, шаг, который кладёт начало греховному состоянию мира, осознавался как полное грехопадение, первородный грех. Такова **ретроспективная** – обращённая к прошлому **логика** падшего, потерянного, ветхого сознания.

Получается, что люди **определили важнейшую религиозную истину** и свои отношения с Творцом **в состоянии**

религиозного отчаяния. Чтобы увидеть мировое назначение таким, каково оно есть, Бог должен был сойти на землю, ибо чисто человеческих усилий недоставало. И мы, **христиане, мудрее не потому, что мы лучше и умнее, а потому, что с нами Бог.**

После явления Бога на землю иудейская концепция грехопадения была некритически заимствована христианской мыслью. Почему это произошло? С Боговоплощением история мира не закончилась. Смысл христианской истории в том, что христианское Благовестие постепенно прорастает в плоть мира, воплощается в истории. Поэтому не всё явление сразу в полноте, невозможно дать мгновенно ответы на всё. *Бог воплотился, чтобы человек обожился.* Бог своё совершил и протянул руку с Чашей причастия к каждому человеку. **История мира после явления Христа и есть история медленного, трагического возрастания человечества к истинам христианского Благовестия.** Процесс обретения истины экзистенциален. Человечество не воспринимает истину извне, а внутренне рождается к ней. И человеческая мысль пытается всё больше открыться опаляющей истине Боговоплощения, меряя единственной Истиной множественность земных истин. **В каждый отдельный период христианской эпохи богословская и философская мысль сосредоточивается на определённом направлении поиска.** Творческие результаты различных периодов взаимодополняют друг друга, более ранние могут служить

ступенью для позднейших.

Сформировалось христианское богословие, прежде всего, вокруг **проблем христологического и троического богословия**. Мысль христианского человечества мучительно пыталась проникнуть в тайну Благовестия Воплотившегося Бога и Триипостасную сущность Творца. Через господствующее языческое жизнеощущение, через опасности гнозиса¹⁰ и ересей богословская мысль, умудрённая духовными битвами, пробилась к глубокому и ясному никейскому синтезу – формуле христианского вероучения – Символу Веры, составленному на Никейском Первом Вселенском Соборе. Христианский мир в эпоху патристики открыл для себя истину о сущности и природе Воплотившегося Распятого и Воскресшего Бога. С тех пор христологическое и троическое богословие остаётся непревзойденным. Это был **пик богостижения**.

Но само по себе это ещё не делало людей богоподобными. После того как высветилась конечная цель, ещё предстояло найти **путь** к ней и ещё надо было научиться **ходить** этими путями. В этом и состоит назначение послепатристической христианской истории и христианской мысли. Поэтому патристическое богословие, будучи венцом богословствования ещё не является концом христианской богослов-

¹⁰ Гнозис – (от *греч.* знание) – высшее, эзотерическое, откровенное, мистическое знание. Центральное понятие гностицизма. В раннем христианстве эзотерическому знанию гностиков противопоставляется идеал «истинного», христианского гнозиса – высшего проникновенного богопознания.

ской эпохи. Напротив, отцы Церкви дают пример того, как находить богословское решение различных проблем. Жизнь же ставит всё новые вопросы, на которые христианин призван дать христианский ответ. И то, что многие проблемы не нашли христианского решения, делало жизнь во многом нехристианской.

Долгие века вне христианского осмысления оставались многие богословские вопросы. Проблема грехопадения формулировалась так, будто не было Нового Завета, не было богословских достижений Никейского Символа Веры. Патристическое богословие с течением времени стало восприниматься не как богословский завет и ключ к решению всех проблем, а как склад готовых формул на все случаи жизни. Богословская пассивность последующих эпох впрямую связана с тем, что жизнь во многом оставалась нехристианской. Как можно по-христиански выстроить жизнь, если основополагающая проблема земного бытия не имеет христианского осмысления? Как можно найти истинные пути на земле, если искажены представления об исходном начале, о христианском назначении человечества?

Христианство, воспринимая древние истины, требует их переплавки в огне Нового Благовестия. Задача христианской философии состоит в том, чтобы снимать слои исторических заблуждений и искажений, которые накапливались в веках, и установить тот смысл, к которому мучительно пытался прорваться дух человечества.

Библия – ось человеческой памяти о глубинах бытия. Книга Бытия выводит наш взор за пределы истории и времени в метаисторическое, вечное. В ней представлены события, предшествовавшие началу мира во времени. Это воспоминание падшего, погружённого в поток времени человечества о довременном. На угасающие образы **домирового эона** накладываются проекции мирского состояния человека. Таким образом, в книге Бытия воспоминания об исторических событиях перемешаны с **памятью о доисторическом**. Поэтому библейские образы являются наиболее достоверными из всего, что удерживается в человеческой памяти, хотя и они оказываются замутненными потоками исторического времени.

Но у нас есть **критерий** для **вычленения истинного** в древних письменах и **отделения** в них ретроспекций (попыток понять прошлое), искажённых падшестью человеческой природы. Это образ нисшедшего с небес на землю и воплотившегося Бога и то, **что** Он поведал о богоподобном достоинстве и вселенской ответственности человека. Только в свете **Боговочеловечности**, в свете Распятия Бога и Его Воскресения открываются как конечные перспективы мировой истории, так и сокровенные её начала.

В свете откровения Нового Завета вскрылся духовный смысл библейских пророчеств. Новозаветное откровение позволяет связать прерывистый пунктир библейских образов в линию **истории богочеловеческого творческого**

пути. За конкретными историческими событиями и ветхозаветными образами, не отменяя их относительного значения, духовный взор нового откровения позволил обнаружить **провиденциальный путь Богочеловечества** : путь Бога к человеку и путь человека к Богу. Подобно этому нуждается в новозаветном осмыслении и библейское сказание о творении человека и его грехопадении.

И вечность, и время требуют, чтобы концепция творения была выстроена в соответствии с истинами христианского Благовестия. Она предназначена не быть музейным экспонатом, а **давать человеку метафизические ориентиры**, вещать истину о вечности души, о космическом назначении человека, о богоподобной свободе и вселенской ответственности человека, о тайне жизни, смерти и воскресения. То есть, учение о творении-грехопадении должно быть выстроено **под сенью Креста Христова**.

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленных проблем, задумаемся в притчу, отражающую предлагаемый подход. Представим себе любящего отца, который задумал осуществить своё дело совместно с сыновьями. Отец обращает к ним своё упование. Это требует от сыновей своего вклада и своего пути. Они свободны принять предлагаемое бремя или отказаться от него. Во имя *общего дела* сыновья призваны покинуть кров родителя, удалиться от него, пройти самостоятельную дорогу жизни и по возвращении принести отцу собранные плоды. Путь их преисполнен опасностей, муче-

ний и чреват забвением сыновнего долга. Оставаясь вблизи родителя, можно сохранить ясное знание о его замысле, но осуществить его можно, только покинув отчий дом и выйдя в мир. Ибо свободное сотворчество может быть только самостоятельным, и грандиозность задачи требует погружения из света во тьму, выхода из родительского лона в гущу жизни.

Таким образом, в самом отцовском замысле заложен **призыв к уходу как условию выполнения творческой миссии**. Не является ли в таком случае уход сына – его первым **собственным** шагом к отцу, к обретению полного единения с отцом? Ни в этом ли основной смысл притчи о блудном сыне, вернувшемся грешном скитальце, который оказался дороже оставшегося сына? Блудный сын – это Адам-человечество, принявший свою долю в деле Отца Небесного и вышедший в мир на путь воплощения **Божественного Предупреждения**. Другой сын – это образ сонма ангелов, вне плоти служащего Богу. На собственном человеческом пути богочеловеческого творения потребовался шаг, который в ослеплении и отчаянии падшего состояния был сведён к грехопадению. Но он несёт в себе и **принятие миссии сотворца Божиего**, и первый испуг, и первое забвение целостного космического назначения. *Мир держится на волоске милосердия Божиего*. Но наша вера в Творца и Промыслителя показывает, что мы не случайно здесь, а мир не является местом изгнания. Что же открывает в ответ на вызовы нашей эпохи вечное библейское сказание?

В начале

Божественные идеи о мироздании – есть мысли Бога, умопостигаемый образ мира. Это уже тварное бытие, но не мирское.

Это предвечный райский мир первообразов, сотворённый ранее мира сего.

Дневник самосознания. 13.02.84

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1. 1–2).

Импульс к сотворению мира в глубинах Божиих совершился *в начале*. Таинственное первое слово Священного Писания указывает на **лоно Божественных перводействий**.

Это начало – «ни с чем не связано, ничему не раболепствует, не в отношении к чему-либо рассматривается; но свободно и не подчиненно, отрешённо от всякого отношения к другому; за него не переступает разумение; далее его нельзя простира́ться помыслами; для него нельзя найти и чего-либо запредельного» (св. Василий Великий).

На русский язык словосочетание *в начале* Владимиром Соловьёвым переводилось – как *во главе*, что может означать главенство этой сферы над всеми прочими, а также указывать на область творческих мыслей Бога, и, в то же время, на сами эти мысли. *В начале* может переводиться и как *в осно-*

ваниш, что значит основа и начало всего. Другой перевод – *в лучшей своей части* – указывает на то, что область творения выделена в сердцевине бытия Божия.

Библейское «*в начале*» – это выделенное в самом **запретном**, в глубине Собственного бытия Бога **лоно творения** Божиего. В сокровенной глубине Божества, в домировом эоне (вечности) проявляются первореальности творения: *небо* и *земля*. Это реальности сотворённые, и в Самом Боге никогда не бывшие, являющиеся из небытия. И это раскрывает другой аспект *начала* как **исходного ничто**. **Божественное ничто** – порождающее лоно в Боге, вместе с тем, это *ничто* и вовне «Я» Бога. Но таковое «вне Бога» нужно понимать не пространственно. Бог объемлет Собою всё, и вне Его ничего нет и быть не может, но **в природе Бога может быть нечто вне Его сущности**, нечто экзистенциально (по существованию) не входящее в Его «Я».

Итак, сущность Самого Бога – абсолютно трансцендентна всему тварному, но в лоне творения концентрируется **творящая энергия** Бога. По учению св. Григория Паламы, «*энергии – это Сам Бог в Его обращении к твари. Его творческая мощь, промыслительное попечение о мире, все Его явления миру и человеку не суть сама сущность Божия, которая остаётся неприступной и непознаваемой, а Божественные энергии, или точнее, единая, но многообразная и многочастная энергия (действие) всех Трёх Божественных Ипостасей... Усия Св. Троицы есть понятие Бога, Сущего*

в Себе, Бога трансцендентного миру, но Который к этому миру, следовательно, и к человеку, обращён своею энергией или силою... Эта единая числом, но многообразная в своих явлениях миру энергия есть общее действие всей Св. Троицы. Оно не принадлежит одной только какой-либо Ипостаси, но всем Им Трём... В Боге кроме Его сущности и Ипостасей надо отличать и общую божественную энергию, одну числом, но многообразную в своих проявлениях (выступлениях, передачах, причастиях), как-то: промышление, силу, благодать, предведение, чудотворение, воздаяние, созидание» (арх. Киприан).

Творение *из ничего* означает, что производящий акт исходит из **необусловленных глубин Божественного хотения**. Создание абсолютно нового сюжета не обосновано ни самой Божественной природой, такой, какова она была до акта творения, ни какой-либо материей, хаосом или меоном (не-сущим), ни возможностью какого-либо бытия вне Бога. Творение *из ничего* означает только, что Бог возжелал в Себе иметь небывалое и сотворил то, чего в нём ещё не было. Это глубинное *в начале* и является **первоимпульсом** и **перво-сферой** творческого акта Создателя.

Реальность *начала* исходит из Самого «Я» Бога, но выделяет в природе Божией **лоно создания** абсолютно нового бытия. Даже современная наука смутно предощущает началополагающее **лоно творения**: «Сегодня самой авторитетной космогонической моделью является так называе-

мая инфляционная модель, в ней принимается, что массивный космос начал своё существование не с точки, как считалось до этого, а с некоторого объёма “физического вакуума”, раздувшегося от нулевых размеров на предыдущей, очень короткой стадии» (В. Н. Тростников). Предыдущая же очень короткая стадия – это первый акт творения из небытия в бытие.

В начале – означает, наверное, что и для Бога этим было положено начало не только твари, но и самого творчества, творения, а также иных начал в бытии Божиим. *В начале* Бог становится Богом-Творцом. Творчества не было, как не было противопоставления бытия небытию, и оно *начало быть*. Собственно, с этого противостояния и начинается творение. Но это *начало* не есть начало времени, и оно явлено не во времени, а ещё до временного эона. Отсчёт времени начнётся с появления мира сего.

Природа Божия преисполнена динамики и жизни. В тот момент, когда Бог помыслил создать Новое Бытие, Он становится Богом-Творцом. В апофатической (*отрицающей* все положительные бытийные характеристики) глубине Божества, *в начале*, выделяется **сфера творения**, куда входит **то** из природы Бога, что предназначено участвовать в творении. В нём образуются **два полюса творения**, в результате чего всё распадается на противоположные сущности. Таким образом, появлению нового творения предшествует обнажение противоположных начал, создающих **поле творческо-**

го напряжения.

Обратим взор в ту глубину Божественного Я, в которой принято решение о творении и в которой осуществились первичные импульсы, даже предимпульсы творения, в сфере всех предначал, она же и есть самое *начало*. Бог творит в Себе и из Себя, но **то, чего никогда и нигде не было**, – в этом сущность творчества, которою наделил его Творец. И здесь возникает антиномия, противоречие или **парадокс творения**: в Божественной природе **есть всё**, но, с другой стороны, в ней творится **то, чего ещё не было**. Как Бог творит из ничего и в то же время в Себе и из Себя?

Трагическая диалектика этой проблемы и лежит в основе Божиего творения, и свидетельство этого трагизма – Божие Распятие. В то мгновение, когда Творец решает создать **нечто никогда не бывшее**, в недрах Божиих происходит **первичная творческая поляризация**. То, чем всё должно стать, то есть заданный идеал, цель творения – противопоставляется тому в природе Божией, **что должно стать иным**. Наличная природа по отношению к новому бытию оказывается **ничем, небытием**; ибо она ещё только должна **начать быть**. Но того, чем всё должно стать, в бытии ещё нет, а всё остальное – есть. С одной стороны, *ничто ещё*, а с другой – *ничто уже*. Это **первичное творческое противопоставление** и есть начало творчества и творения.

Как в природе Бога что-то может быть частичным, недостаточным или даже небытийным, когда по определению Бо-

жественное есть сама полнота? Никакие рациональные категории не охватывают неизреченных глубин Божиих. Но мы можем исходить из **начального экзистенциального факта**, из опыта Творения-Самораспятия Бога, явленного нам в образе Иисуса Христа и в откровении Святой Троицы.

Бог творит в Себе и из Себя, **возжелав всеобъемлющую полноту Собственной природы наделить новым качеством**. Сам Бог в Своей природе, то есть **в том, что есть**, вычленяет **то, что должно стать** иным. И хотя оно есть в своём прошлом, его нет по отношению к тому, чем оно должно стать. В отношении к тому, что должно быть, всё, что есть, является аморфной массой, потенцией, материей. Это – **ничто**. Причём оно ничто не изначально, но потому, что перестаёт быть самим собою с момента противопоставления его **новой заданности**. Теперь сфера ничто уже **есть** только в связи с тем, **чем** всё должно быть – *небом*, как его иное, его материя – *земля*. Оно есть ничто принципиально и независимо от того, каким бы оно ни являлось само в себе.

Итак, с обнажением *неба* и *земли* явилась, с одной стороны, задуманная Богом **новизна**, то, чего ещё не было и что оказывается по отношению к тому, что было, **новой заданностью**, целью. Значит, с другой стороны, **то, что было**, вне зависимости от того, каково оно само по себе, по отношению к **новому** оказывается **неупорядоченной массой**. Всё старое являет неустройство, неупорядоченность, бессмысленность само по себе по отношению к новизне и

потому является по сути **ничем**. Из этого слагается инертная масса – хаос *земли*, то есть сфера того, что ещё не есть что-либо определённое.

Это не означает, что природа Бога определяется свойствами недостаточности. Бог **ничем вне Его воли** неопределяем. Но по воле Творца в глубинах Его природы произошли некоторые процессы, последовательность и разумность которых отражены в строе нашего мироздания. По нему мы можем судить о том, что новый **порядок по отношению к себе явно предполагает неупорядоченность**, новый смысл возможен только по отношению к бессмыслию. Если Богом задумано что-то в Себе преобразовать в новое качество, то по отношению к нему всё **старое**, каково оно ни было бы само по себе, оказывается **голой потенцией**, в которую будет внесён новый смысл.

Первообразный мир *неба*, в противопоставление бессмысленному хаосу *земли*, олицетворяет собой **то, чем все должно стать** по сути, вбирает в себя заданности, смыслы, назначения в их идеальном, то есть невоплощенном аспекте. Мир идей Платона отражает **формальный**, структурный, то есть чисто идеальный аспект небесной первообразности. Ангельские сферы христианского предания выражают **персоналистическую** наполненность того же первообразного мира.

Всё это в природе Божией, но, очевидно, не распространено на всю её полноту, а сосредоточено в некоем **лоне тво-**

рения. Поэтому оно внутри Божественной природы, непосредственно внедрено в неё, но не определяет её сущности, а определяемо ею.

Таким образом, та часть природы Божией, которая выделяется к новому творению *в начале* – **лоно Божиего творения** – разделяется и расщепляется на два полюса: *небо и землю*. Разделяется Творцом провиденциально, но расщепляется внутри самой ветхой природы и потому болезненно и трагично в самой себе. Эта **изначальная трагичность творения** отзывается на состоянии Самого Творца, и потому рождение Нового Бытия есть мука и боль Самого Бога – Самораспятие Творца.

Небо и земля изначально и абсолютно противостоят друг другу. Это – два полюса или центра, выделившиеся в Самом Творце, и в то же время то, что создано в *основании*, то есть призвано к единению. Это явившаяся в Боге **активная, творящая** сфера, и то **иное** в нём, что призвано к преображению. Всемогущество Бога беспредельно. Он может не только быть полным, но и ощутить неполноту в своём Бытии, не становясь при этом недостаточным и не ограничиваясь. Умаление Бога по Собственной Его воле не умаляет Его Божественного достоинства.

Что-то в Боге было иным и было призвано стать таковым, каким оно должно быть. Сам Бог решил стать другим, и, возжелав этого, Он породил в Себе **образ желаемого**, и, с другой стороны, выделил то в Себе, **что должно будет под-**

вержено изменению. Эта расщеплённость **бывшего** (небытия) и **будущего** (преображённого бытия) в Боге отражена в нашем мире в том, что нужно преодолеть, и в том, к чему должно стремиться.

Итак, в домировом эоне предстали в Боге предвечные «что-то» и «ничто» (ничто), то, что стало тем, чем всё должно стать.

Небо

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1. 3–4).

В начале книги «Бытие» (Быт. 1, 1) сообщается, что сотворено Богом *в начале* (небо и земля). Затем (Быт. 1. 2) раскрывается **исходное качество** этих сфер (земля – безвидна и пуста, и тьма над бездною, небо – Дух Божий) и показывается их **изначальное взаимоотношение** (первое над вторым, то есть выше по **существу**). Далее (Быт. 1. 3–4) происходит последующее **означение** и **разделение** первореальностей творения.

Небо – это свет Божий. Бог видит, что *он хорош*, – такова сущность света, ибо в идение Бога есть в идение сущности. Отделением света от тьмы устанавливается их довременное взаимное отношение. То, что по сути своей *хорошо*, отделено от того, что ещё не есть хорошо, и вообще ещё не есть, потому что – тьма, ничтожество.

В творении *неба* совместно с Богом Отцом непосредственно участвуют Вторая и Третья Ипостаси Божественной Троицы. «...И Дух Божий носился **над** водою» (Быт. 1. 2), – значит вне вод, в иноположенной им сфере, то есть на *небе*. Дух Божий – это само *небо*, которое есть эон вечный, духовный, Божественный. Духовная природа *неба* указывает на то,

что оно является непосредственным вместилищем и полем действия Третьей Ипостаси Божественной Троицы. Дух Божий – это **Первожизнь**, дуновение жизни. В этом – непосредственное действие Ипостаси Святого Духа, *«которым Творящий ближайшим образом сообщает жизненную силу творимому, не сообщая, однако, ему самого существа Своего, и не смешиваясь с ним»* (митр. Филарет /Дроздов/).

Книга Бытия указывает и на то, что Творец изначально присутствует в акте вселенского творчества и Второй Своей Ипостасью. Как пишется в одном толковании на книгу Бытия: *«догадываются ещё, что в слове “сказал” можно также находить таинство Ипостасного Слова, которое здесь, подобно как и Дух Святой, поставляется Творцом мира»*. В реальности неба предвечно воплощено Слово Божие, Его Мысль о творении.

«Прежде творения мира, кроме существования Пресвятой Троицы, Мировой Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведён впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. У Бога всё перед очами, и что будет, и что было, и что есть теперь» (св. Григорий Богослов).

«Сие предвечно рождаемое в Боге Слово и Премудрость глаголет из бесконечной вечности Божией в круг времени к тварям, когда в них должна открыться Премудрость Божия» (митр. Филарет /Дроздов/).

Таким образом, Творец совершает деяние всей полнотой

Своего Триипостасного Существа, и библейское *небо* является той сферой, где концентрируются усилия Троиединого Бога и где формируется образ будущего творения.

Небо – это мир **райский**, сфера чистых духов, первообразов творения, прообраз мироздания, который описывался православными богословами. **Духовная первообразность** как потенциальность всего пронизывает этот мир и присутствует во всех его аспектах. Это **ничто**, которое является предпосылкой всякого нечто. Там нет ничего реально, но там есть всё потенциально. Там нет чего-либо определённого, но там есть всё, что необходимо для появления всякой определённости в этом мире. То начало, из которого исходит сама реальность. Это то, чего нет, но что, тем не менее, участвует в том, что есть, и участвует непосредственным образом и изначально. **Бытие** выходит из ничто и преодолевает небытие. Бытие плюс ничто – есть **становление**. Формы небытия материализованы и даже опредмечены в этом мире.

Реальность – универсум всего в мире, включающий бытие, небытие, нечто и ничто.

Бытие – становящаяся, преобразующаяся реальность. Бытие не статично, а динамично. Быть – значит соучаствовать творческому акту Бога, творить, утверждать новое бытие. Бытие не то, что просто есть, а то, что устремлено к тому, каким оно должно быть. Быть не означает наличествовать, но бытийствовать – значит стремиться к назначенному. Бытие – не фотографическая структура реальности, а её

творческое становление, движение, жизнь. Злой дух есть **антидух**.

Небытие – активность, отрицающая импульс бытия, в пределе – восстание на творческий акт Бога. Поэтому всякое угасание подъёма и остановка в пути – небытийны. Ослабление и снятие творческого напряжения не есть передышка и стояние на достигнутом, но неминуемо означает потерю и падение, то есть небытийствование.

«Из миров один сотворён прежде. Это иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая: в неё вступит впоследствии и человек Божий, когда, очистив ум и плоть, совершится Богом» (св. Григорий Богослов).

Дионисий Ареопагит называл «образцами», «примерами», «прообразами» те «осуществляющиеся логосы существ, которые объединённо предсуществуют в Боге, и которых богословы именуют предначертаниями или божественными и благими хотениями, так как они определяют и создают всё сущее, и по которым Сверхсущий предопределил и произвел всё существующее».

«Всё от Бога имеет своё бытие и существование, и всё, прежде бытия находится в Его творческом уме; первообразы всех вещей находятся там внутри» (Симеон Новый Богослов).

Под небом «можно разуместь “Небеса небес”, мир невидимый (Кол. 1. 16). Было, вероятно... некоторое предшествовавшее бытию мира состояние, свойственное премир-

ным силам, превысившее времени, вечное, присное» (митр. Филарет /Дроздов/).

После выделения *неба* и *земли*, творение **продолжается на небе**, или в раю, как сфере чистой духовности. Это довременной **эон первотворения**, первопредметов, перводействий. Можно сказать, что всё, совершённое в вечности, является **парадигмой** (примером, образцом, моделью), **архетипом** (прообразом, первичной формой) для временного бытия. В этом умопостигаемом Божиим плане создаются **первообразы** существ и космоса в целом, формулируется их **сущность, как заданность** и назначение. В метаисторическом измерении происходят события, предшествовавшие началу истории мира. На *небе* создаётся первообраз богоподобного человека – его вечная душа.

«Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых. Следование вещей из Бога есть самооткровение Бога. Но Бог может открываться Себе лишь в том, что подобно Ему, в свободных, действующих из себя самих существах, их бытие не имеет иного основания, помимо Бога, но они существуют так же, как существует Бог. Он говорит и они суть. Если бы все существа мира были даже только мыслями божественного духа, уже это одно заставляло бы нас признать их живыми существами» (Ф. Шеллинг).

Духовность и смысловая заданность неба – предвечного райского эона – описывается в различных интеллектуальных традициях с разных сторон и позиций, с разнообразными

разной глубиной проникновения: *мир идей* у Платона; *Логос* у Аристотеля и стоиков; *архетип и первообраз*, как *изначальность, первозаданность, начало, принцип, основа* – у Платона и Августина; *логосные начала, логосы бытия, логосы творения, духовные логосы, семенные логосы, зиждительные логосы, семенные причины* в патристике; *парадигмы творения* у Дионисия Ареопагита; *монады* у стоиков, Джордано Бруно и Лейбница; *субстанция* у Парацельса; *умопостигаемый образ* у Альберта Великого и Фомы Аквинского; *экземпляриш* в средневековой философии; *модус* у Спинозы; *вещь в себе* у Канта; *саморазвивающийся мировой дух и самодвижущиеся понятия* у Гегеля; *субстанциальные деятели* у Н. О. Лосского. «*Платоновские идеи понимаются Стагири- том преимущественно как задачи или нормы бытия, хотя и имманентно осуществляемые, но трансцендентно заданные*» (прот. Сергей Булгаков).

Небо – это **универсум**¹¹ (единая вселенная) **мыслей** Творца о творении в целом, **мыслей** Божиих о каждой тварной сущности. Но на *небе* всё только задано и потому это **мир духовных индивидуальных субстанциальных потенций, семенных начал бытия**.

¹¹ Универсум – лат. совокупность всего, общность, всё сущее.

Земля

Итак, с одной стороны – *небо*, свет, то, что есть *хорошо*. С другой – *земля*, которая *была безвидна и пуста*: тьма, бездна, пустота – неустроенная и незавершённая сфера, находящаяся в хаотическом состоянии, в ней нет ещё и материи. *Вода* здесь является символом безжизненной хаотической массы, в отличие от воды, взятой в обыкновенном смысле, которая выделяется во второй и третий день творения.

Небо и *земля* образуются творческим актом Создателя из «ничто» начала (*в начале*), то есть из того, что есть ничто, или чего ещё нет вовсе. *Земля* здесь – это противостоящее *небу*, как началу духовному, творящему, упорядочивающему, – самое **безначальность, неупорядоченность, бескачественная хаотическая масса**. Это уже не изначальное «ни-что», но ничто, противостоящее качественной определенности «что». В этом смысле *земля* – совечная *небу* **пра-материя**.

Сама по себе *земля* – хаос, но как противостоящая творческому началу *неба*, она – **первоматерия**. Это предвечное **иное**, непрерывное само в себе исчезновение и бескачественное изменение. Если можно было бы характеризовать какими-то свойствами саму ою бескачественность, то это были бы сплошь негативные, отрицающие определения. Хаос *земли* – это то, в чём ещё нет ничего, но что, тем не менее,

уже в целом есть нечто как таковое.

Сама по себе праматерия – ни добро, ни зло, хотя в ней потенции и того и другого. В ней и мятежный хаос – источник меонического (не-сущего) произвола твари. Но ей же изначально присуще влечение к новому рождению или *«сила, мощь, потенция бытия»* (Вл. Соловьев). *«Злым началом сама по себе материальная природа быть не может: она пассивна и инертна – это женственный элемент, принимающий то или другое духовное начало»* (Вл. Соловьев).

Небо и земля «созданы словом Великого Бога» в домировом зоне. *Небо*, как первое начало в Абсолютном, *«есть положительная потенция, свобода бытия, сверхсущее»* (Вл. Соловьев). *Земля же – «второе или материальное начало, будучи необходимым тяготением к бытию, есть его отрицательная, непосредственная потенция, то есть утверждаемое или осязаемое отсутствие, или лишение настоящего бытия. Но лишение есть влечение или стремление к бытию, жажда бытия»* (Вл. Соловьев).

Эта «вечная основа всякого существования... тёмная основа бытия... хочет родить Бога, то есть безосновное единство, но постольку в нём самом ещё нет единства» (Ф. Шеллинг).

Предвечный хаос – то, что в Самом Боге не есть Бог. Это **основа существования предметного космоса, материя творения**. Вечносущий Бог ощутил в Себе влечение к новому саморождению. Бог хочет родить в Себе Божествен-

ное творение. *Земля* и есть **выделившаяся в Боге материя этого рождения**. Сама *земля* тоже хочет рождать Бога, ей присуща **воля к новому рождению** и **женственное стремление к преобразению**. Всякое рождение есть рождение из мрака к свету, из *земли* к *небу*.

Но откуда происходят хаос и его косность, и как они существуют в Боге? Всё – в Боге, ибо вне Бога нет ничего. *Земля* – то в Божественном **лоне творения**, что только **должно стать** соответственным Божию Замыслу и потому ещё только **устремлено** к сердцевине Творца. Хаотический произвол как потенция зла – в лоне творения, но не из Божией природы. Это – то, что сопротивляется творческому деянию Бога. Вне Бога ничего нет, но не всё от Бога и не всё к Богу. Бог – Всеединство и в том смысле, что драма миротворения осуществляется в глубинах бытия Божия. Образ Распятого Бога свидетельствует, что Творец всем существом Своим участвует в творении – Сам Бог во всей полноте Божества принял образ мира, человека и вселенские страдания!

Итак, *«если под “землею” в библейском рассказе творения надо понимать хаос, мир низший и внебожественный в его хаотическом состоянии, то, очевидно, что термин “небеса”, который священный текст ставит в тесное отношение с “землею”, как противоположным полюсом творения, указывает нам высший мир или невидимый мир божественных противодействий, установленных или осуществленных определённым образом, как противовес хаотическому суще-*

ствованию» (Вл. Соловьев).

Небо – во всём противоположная *земле* реальность. *Небо* – духовно, *земля* – материальна; *небо* – устроено, упорядочено, *земля же* – бессмысленный хаос; *небо* наполнено живыми существами, *земля пока* – само небытие, и ничто. Мир сей есть результат соединения *неба* и *земли*, и в каждой его частице борются силы небесные и земные.

Цель творения

Создание *неба* и *земли* не цель и не итог творения. Это – **приготовление** к творению, выделение в Божественном бытии реальностей, предназначенных к дальнейшему преобразованию. «*Задача состояла в том, чтобы заполнить эту бездну, осветить эту тьму, оплодотворить это бесплодное лоно, и наконец, путём совокупного действия обоих миров вызвать к жизни полуземное и полунебесное существование, способное объять в своём единстве совокупность творения и связать её с Богом свободной и живой связью, воплотив в созданном образе вечную Премудрость Божества*» (Вл. Соловьёв). **Небо должно сойти на землю, земля же должна обрести небо и этим преобразиться**. Земной хаос должен проникнуться гармонией мира небесного.

Всемогущий Бог может создать нечто и вне Себя. Но это значит, что Бог выделил место для этого из Себя, ибо Он – всё. И это означает самоограничение Бога во имя поставленной Им цели. О самоограничении Всемогущего Творца в акте творения свидетельствует нам образ Распятого Бога. Творение **вне Бога** – не предметно-пространственно, а **духовно-экзистенциально**.

Таким образом, сфера творения и **внутри** Божественной природы, поскольку вне Бога нет ничего, поскольку во всем Божие присутствие и все пронизано духовным провидением

Творца; и **вне** Бога Самого по Себе, поскольку она не есть Сам Бог. Из первого следует **ложность деизма** (утверждения, что после сотворения мира движение мира совершается без участия Творца), из последнего – **ложность пантеизма** (учения о том, что всё есть Бог, обожествление вселенной, природы).

Итак, в Боге творится Новое Бытие, в нём все его пути и следствия: *«Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю всё это»* (Ис. 45. 7). Или в другом переводе: *«Создающий свет и творящий тьму, делающий мир и творящий зло: Я Яхве, делающий это»*.

В Боге – радость и свет рождения нового, но и бремя, **боль невероятного напряжения творения**, трагедия встречи абсолютно противоположных реальностей – тоже в Боге. Поэтому с начала творения мира Бог восходит на Голгофу: *«...Агнца, закланного от создания мира»* (Откр. 13. 8). И распятие Бога предвечно: мир создаётся *«...драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного ещё прежде создания мира...»* (1 Пет. 1. 19–20).

В рождении мира от века, в наличии сопротивления рождению в Самом Творце – страдания Бога, страсти Господни, которые Он Сам преодолевает. Потому миротворение – это боль и мука, и в этой жизни мы видим Всемогущего Бога, страдающего на Кресте мира.

Создание первообраза человека

Все события, описанные в первых трех главах книги Бытия, происходят в домировом эоне, на небе: *«Ещё до самого этого отвердения материи происходили какие-то глубокие процессы природы, в которые была внедрена судьба человека и с которыми она тесно связана... Все существа предвечно и предмирно творятся Божеством; всё живое пребывает в Божественном плане космоса, до времени и до мира совершается в идеальном процессе божественной диалектики»* (Н. А. Бердяев).

Начало истории мира укоренено в событии, называемом «грехопадением», в котором произошло **нисхождение первых людей на землю**.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по

земле. И сказал Бог, вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой» (Быт. 1. 26–31).

В первой главе книги Бытия (Быт. 1. 6–31) описывается творение образов мироздания в их отношении друг к другу. **Иерархию первообразов** венчает человек, созданный по образу и подобию Божию: *и да владычествуют они, и обладайте, Я дал вам.*

«Так совершены небо и земля и всё воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал... И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла... И взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла

не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел её к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2. 1–25).

*И почил от всех дел Своих, то есть закончено время, когда творит **только** Бог. Бог «перестал творить и производить из небытия в бытие» (св. Иоанн Златоуст). Теперь дело человека, в котором выражается воля мира первообразов, осуществить божественное предназначение. С этого момента **Бог творит мироздание совместно с человеком**, что и совершается в восьмой день творения – от «грехопадения» и поныне.*

Во второй главе повторяется описание творения прообразов мироздания в свете их **предназначенности к воплощению**. В центре повествования – назначение и судьба человека. Созданию человека предшествует собор, совет Святой Троицы – Бог советуется Сам в Себе о главном звене творения. Об этом говорит множественное число глагола: *И сказал Бог: сотворим человека*.

Человек есть соединение небесного духовного первообраза (души) и праха земли: *и создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою*. Душа же приобщена к дереву жизни, то есть вечности, она бессмертна.

Человек призван *возделывать и хранить*, что значит к творческой роли в мироздании и ответственности за всё в нём. Он помещен в лоне Божиим, на *небе (и поселил его в саду Едемском)*, чтобы, прежде всего, **сохранить первоначальный смысл творимого** (*хранить его*), который дан человеку пока ещё как некая тайна (плоды знания ещё не доступны), и чтобы затем на пути раскрытия этого смысла совершить **собственное плодотворное действие** (*чтобы возделывать его*).

Человек предназначен *назвать* всю тварь, то есть **определить характер существующего**, выявить его природу. Этим ещё раз утверждается активность человека, его главенство и власть над сущим, ибо наречение имени на Древнем Востоке означало обретение власти над чем-то или кем-то. В

именовании бытия впервые проявляется творческая миссия человека. Сам Бог даёт имена дню, ночи, небу, морю, земле, чем создаёт и задаёт устройство мироздания, существ и вещей. Человек же даёт имена животным и женщине, что говорит о сугубом сотворчестве Бога и человека в созидании живых существ.

Описывается изначальная двойственность природы человека, разделённость её на мужское и женское начала и их неразъединённость: *прилепится к жене своей и будут два одна плоть. И были оба наги* – может означать, что были бесплотны. *И не стыдились*, – им ещё не открылась недостаточность, неполнота и недолжность их обнаженного духа (ибо всё ещё в духе), **бесплотного** состояния.

Все эти события происходят до начала мира сего, в раю (на *небе*) как средоточии мироздания. В мире же всё ещё только призвано воплотиться: *«Мы существовали уже прежде создания сего мира, потому что сотворение нас решено было Богом гораздо ранее сотворения нас, и, следовательно, уже ранее своего сотворения мы существовали в мысли Божией, мы, впоследствии оказавшиеся разумными созданиями Божественного Слова; из-за Него-то мы по своему происхождению весьма древни, потому что “В начале было Слово”»* (Климент Александрийский).

Реальность рая – это реальность Мысли Божией, Божественного Слова о человеке и его грядущей судьбе в мироздании.

Божественное Предустановление

В первом союзе-завете Бога с человеком (Быт. 2. 16–18) впервые приоткрывается **тайна грядущей предназначенности человека**. Адам – вблизи Бога (в раю), в единении с Творцом. Вкусив от Дерева Познания добра и зла, человек оторвётся от Бога, из эона вечности низринется в смерть: *ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь*. Это не столько запрет, сколько сообщение о грядущем и предостережение о последствиях (*и заповедал Господь Бог человеку*).

Адам – первообраз человека, выразитель и хозяин иерархии первообразов мира. В нём сливается и воля Божественная (Божие дыхание жизни), и воля тварная (*прах земной*). Поэтому в его лице мир первообразов призван совершить выбор: согласиться или не согласиться на низвержение в хаос земли. **Отпадение в хаотическую стихию – необходимое условие преображения её в гармоничное бытие**. Ибо путь к высшему бытию лежит через отпадение в низшее: *«...море расположено в просторном месте, чтобы быть глубоким и безмерным; но вход в него находится в тесном месте, так что подобен рекам. Кто пожелал бы войти в море и видеть его, или господствовать над ним, тот, если не пройдет тесноты, как может дойти до широты? Или иное подобие: город построен и расположен на равнине,*

и наполнен всеми благами; но вход в него тесен и расположен на крутизне так, что по правую сторону огонь, а по левую глубокая вода. Между ними, то есть между огнём и водою, лежит лишь одна стезя, на которой может поместиться не более, как только ступень человека. Если город этот будет дан в наследство человеку, то как он получит своё наследство, если никогда не перейдёт лежащей на пути опасности?» (3 Езд. 7. 3–9). Человеческому духу, чтобы войти в море бессмертия, предстоит пройти тесную и тернистую земную стезю.

Райский мир сотворён не самодостаточным. Совечен ему мир иной, низший, лежащий во тьме и стенающий к свету. Райское бытие человека неполно. **Мир первообразов призван к воплощению для преобразования хаоса земли**, – в этом **Божественное Предустановление**. Путь к высшему, полному бытию лежит через отпадение в низшее, через болезненное отпадение от Бога. И поэтому это «грехопадение».

Образ змея

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрётё, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3. 1–7).

В текстах Ветхого Завета изначально не говорилось о причастности сатаны к грехопадению, суждения об этом появились только после Вавилонского плена и строительства Второго Храма. Поэтому в более раннем библейском сказании о творении образ змея не являлся олицетворением сатаны-искусителя. Сложный образ змея невозможно свести к злему началу, искушающему невинных Перво-людей, так как в мире небесных первообразов нет разделения на добро и зло. В древности образ змея олицетворял **производящую силу**

земли, поэтому он был атрибутом культа плодородия, либо фаллическим символом. Образ змея так или иначе связывался с **хтоническими** (происходящими от *земли*) боже-ствами. Во многих традициях хтонические функции змея отражаются в его названии, образованном (как и в славян-ских языках) от названия земли: в эфиопском – *зверь зем-ли*, в египетском – *сын земли, жизнь земли*. В большин-стве древних мифологий образ змея выражал и обозначал, прежде всего, **мощь и потенции земных стихий**. Причём стихии эти не проявляли себя однозначно ко злу. В славян-ских мифологиях образ змея тесно связан с миром предков и часто является древнейшим предком. Змей нередко бес-смертен, что значит, в этом образе проявляются **начала, ле-жащие в основаниях, истоках истории**. Змей обладает сверхъестественными способностями, управляет природны-ми стихиями и защищает покровительствуемых им людей от стихийных бедствий. У многих народов змей был символом мудрости, в частности, змея была одним из атрибутов грече-ской богини мудрости Афины.

*«В архаических космогонических мифах Евразии и Аме-рики Змей осуществляет разъединение и соединение **неба и земли**... В Древнем Египте изображение змеи прикрепля-лось ко лбу фараона как знак его царствования **на небе и на земле**... Древнеиндийский мировой Змей... представлялся как держащий на себе **землю**. Сходная космическая функ-ция мирового Змея известна в скандинавской (Змей, живу-*

ций в океане и опоясывающий всю землю) и египетской (Змей, Окружающий Землю) мифологиях... С хтонической природой Змея связано и представление о **богатствах или сокровищах**, которые он оберегает в земле или под землёй и может принести в дом (в Африке, Индии, у славян и др.). Хтонические черты **земли-целительницы** отчётливо прослеживаются в образе греческого бога врачевания Асклепия, который представлялся в виде змеи (змея была также и атрибутом Асклепия)... Если в архаических мифологиях роль Змея, соединяющего **небо и землю**, чаще всего двойственна (он одновременно **и благодетелен, и опасен**), то в развитых мифологических системах (где Змей часто носит черты дракона, внешне отличающегося от обычной змеи) нередко обнаруживается, прежде всего, его отрицательная роль как воплощения нижнего (водного, подземного или потустороннего) мира; связь Змея с женским началом тогда чаще всего осмысляется в духе мотива принесения женичины (девушки) в дань Змею» («Мифы народов мира»).

Всё это говорит о том, что змей не олицетворял злое начало само по себе, но скорее выражал хаотические стихии, **частью упорядочивающиеся сами в себе** и имеющие в силу этого **начатки** добрых стремлений. Многие черты этого образа говорят о том, что он является воплощением низших существей, **тянущихся** к высшим сферам и к высшим собственным состояниям: огненная природа змея, особая благосклонность и тяга змея к красивым женщинам, появле-

ние перед ними в образе красавца. Последнее оказывается наиболее архаическим образом **низшей софийности**, как глубинной тяги безобразного и безобразного к прекрасному и гармоничному. Хаотическое тяготение это может проявляться и в агрессивных формах.

Таким образом, в древности, в том числе и в Библии, змей не являлся только образом зла, но скорее **начала амбивалентного** – двойственного, способного в различных обстоятельствах как к добру, так и к злу, несущего в себе как созидательные стремления, так и разрушительные стихии. Трактовка образа змея как олицетворения зла, в том числе и в русских сказках, возникла позже, во многом в связи и под влиянием традиции толкования библейского сказания о грехопадении. В Новом Завете слово «змей» употребляется как синоним слова «дракон», а не собственно змеёй: *«И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь её рекою. Но земля помогла жене, разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей. И рассвирипел дракон на жену...»* (Откр. 12. 15–17).

В книге Бытия змей персонифицирует, скорее всего, **собственную волю** первозданной земли. Оставленная самой себе мощь земли не способна на созидание и даже на самосохранение, так как нуждается в оплодотворяющем творческом начале. Женственная стихия земли жаждет преобразовательного воздействия. Змей и оказывается **образом тех земных начал, которые влекомы к небу**, хтонических

стихий, **тянущихся** к преобразению. Это подтверждается и тем, что во многих архаических мифологиях змей играл роль символа, связывающего небо и землю.

Итак, в змее явилась **активность бездонного хаоса, взывающего к преобразению**, и та мудрость («...*будьте мудры, как змии...*» – Мф. 10. 16) материи творения Божиего, в которой проявляется тяга к выполнению Божественного Предусмотрения.

Дерево Познания

Божественное начало у Перволюдей вызывает у них неудовлетворенность невоплощённым (*райским*) состоянием. Они чувствуют **незаконченность** своего небесного положения, ощущают призывание к некоему ответственному свершению, потребность распространить духовность на низшие сферы. Их богоподобная свобода наделяет **чувством ответственности** за судьбы мироздания. Но всё это ещё проявляется как неосознанное томление существующим и тяготение к совершенному.

Первобытийный импульс свободы ориентирует их за пределы благополучного, но незаконченного состояния. Но куда и как – неизвестно, и потому **вектор всех неосознанных влечений** направляется на Дерево Познания. Внутренняя неудовлетворенность и ощущение собственной незаконченности вызывают стремление понять и познать себя: в каком качестве и для чего человек создан таковым?

«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание...» (Быт. 3. 6). Это влечение проявляется в женской половине человечности, ибо женственность выражает потенции человеческой природы. **Зов земных стихий**, явившийся в образе змея, отозвался в женском лоне человечества.

«И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте

ни от какого дерева в раю?» (Быт. 3. 1). В этом заключено вопрошание: что **доподлинно** сказал этим Бог, что истинного в этих словах, что вам ещё не открыто. Было сказано: «...не ешьте их и не прикасайтесь к ним, **чтобы вам не умереть**» (Быт. 3. 3). В этих словах интонация запрета не доминирует, а более содержится **предостережение** о грядущей смерти, как результате определённого шага. Господь не налагает **прямого и полного запрета**, что выражалось бы жёстко повелительным глаголом «запрещаю», «повелеваю», но сообщается об этом более мягко и обязательно с предостережением о последствиях: *не ешьте, чтобы вам не умереть*. **Господь открывает Первочеловеку последствия того или иного его поступка.**

Сказано, что, познав добро и зло, человек становится смертным, к вечному бытию прибавится смертное. Но его райская сущность бессмертна, душа человека вечна, о чём и напоминает змей: *нет, не умрёте*. Всё происходит в реальностях *неба*, где нет разделения на добро и зло, на истину и ложь. И поэтому всё, что совершается и говорится, – истинно и благо. «*И сказал змей жене: нет, не умрёте, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло*» (Быт. 3. 4–5). Этим сообщается о том, что Бог знает, а человеку ещё не приоткрыто, но со вкушением плода познания прояснится духовный взор человека, и он, как истинно богоподобное существо, узрит глубину бытия и суть вещей.

В результате **внутреннего экзистенциального диалога** разнополярных начал в природе человека (духа *неба* и воли *земли*) ему приоткрывается глубинный смысл происходящего: *и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно*. Так как все происходит в сфере духовной, то речь идёт не о плотской пище и не о низменном вожделении. Духовным глазом увидено, испытано духовное влечение к духовной пище. И действительно, а не иллюзорно всё в этом мире, в том числе и само дерево, и его плоды, – хорошо, то есть благо и ко благу. Сам Господь сказал обо всём, что Им создано: *«хорошо весьма...»* (Быт. 1. 31). Для человека же дерево хорошо, *«потому что даёт знание...»* (Быт. 3. 6).

Ева совершает первый шаг, который определяет дальнейшую судьбу людей. В мужчине человек – **активный деятель, творец**, но в женщине он **соединён** с материей творчества и через неё получает направленность и импульс к творчеству: *«...и взяла плодов и ела; и дала также мужу своему, и он ел»* (Быт. 3. 6). И мужчина обоснованно может сказать впоследствии Богу: *«...жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел»* (Быт. 3. 12). Бог дал Адаму жену, чем наделил человеческую природу женственной природой, призванной слышать голос *земли* и донести его до мужского, которое предназначено действовать, повелевать, творить.

Когда Первочеловек вкусил от Древа Познания добра и

зла, то этим он ещё не совершил непосредственно злого поступка. Если бы было так, то это означало бы, строго говоря, что Ева сорвала плод *дерева зла*, а не «*дерева познания добра и зла...*» (Быт. 2. 17). К тому же, как писал свящ. Александр Мень, «*характерное ветхозаветное слово “добро и зло” (“тов вэ-ра”) не имело прямого нравственного смысла. Буквально “тов” означает не абстрактное “добро”, а “полезное”, “доброе”, “доброкачественное”, и, соответственно, слово “ра” означает “худое”, “вредное”, “опасное”. А вместе они представляли собой идиоматическое выражение, означавшее “всё на свете”, “всё важное для человека”, “все стороны жизни”... Таким образом, библейское Древо можно назвать просто Древом Познания».*

Первые люди отведали в раю не плод греха, а **плод познания**, который сам по себе *полезен и добр*. То, что традиционно трактовалось как безусловный запрет Бога, можно понимать как **предупреждение** о последствиях. Господь предостерегал Адама и Еву о **необратимости** катастрофических для их невинного состояния последствий вкушения плодов познания. Открывшееся знание выводит человека из младенчества и ставит перед **неотвратимостью собственного выбора и действия**. Акт познания возводит человека в состояние взрослого ответственного существа.

Отныне нет обратного пути, познав *всё на свете*, уже невозможно вернуть себе инфантильную невинность и беззаботность. С этого мгновения человек **обязан** соответство-

вать достоинству свободного и ответственного существа. Запрет Бога распространяется только на возможную неуверенность и нерешительность, либо легкомыслие и праздное любопытство, при которых греховно было бы совершать самый главный поступок в бытии. Бог запрещает прикасаться к плодам Дерева Познания **робкой рукой**. В то же время Господь предупреждает о **безмерной ответственности**, которая накладывается на людей этим поступком. Но Бог оставляет за человеком свободу решения и выбора.

Богopodobность свободы человека

Человек создан Творцом как **свободный соратник Божий**. В свободе его духа – прежде всего и по преимуществу образ и подобие Божие, ибо в **свободе творчества человек наиболее уподоблен** Творцу. Свободное согласие Первочеловека на приуготовленный ему путь необходимо Богу, ибо только **свободно приняв крестонесение бытия**, можно его вынести. Только свободные существа способны сотворить Богу в создании мира свободы и любви. И только при добровольном нисхождении с *небес* на *землю* возможно преобразование плоти и возвращение с исполненной миссией.

Свободное принятие Божественного Замысла о творении вскрывает в человеке источник любви к Богу, которая движет человека по пути преобразования. Высочайшая любовь к Богу являет полное доверие Творцу и отдачу себя Его делу. Только вера, надежда и любовь позволяют Первочеловеку вверить свою судьбу Богу и низринуться в совершенно неизвестное. Любовь к Творцу и замыслу Его наделяет вечные души возможностью вернуться в лоно Отца Небесного.

Богopodobная свобода тварного человека несколько не умаляет свободы Творца. Господь мог бы вершить вселенские судьбы непосредственно и без свободного волеизъявления человека, ибо могущество Бога беспредельно и в Его власти всё. Но отсутствие в тварном мире свободы человека

как доминанты мироздания говорило бы о том, что Богом задуман и создаётся иной мир. Могущество Бога, в частности, заключается в возможности выбора любой цели. Но поставленная цель определяет и путь её достижения, как вытекающий из неё по смыслу. Другой путь (создание мира без творческого соучастия свободного человеческого существа) вёл бы к другой цели (миру жёстко детерминированному). Мы видим, что Творец создаёт не запрограммированный механизм вселенной, а мироздание свободных и любящих Бога вечных духов. **Всемогущество Бога проявилось в создании человека** – существа свободного и богоподобного, в наделении человека статусом сотворца Божиего.

Дальнейшее творение – это совместное творчество Бога и человека, Первосвободного и одарённого свободой. Ибо вне свободы творчество невозможно. Тот же факт, что венец творения – человек – наделяется богоподобной творческой свободой, говорит о том, что творение в целом ещё не окончено и что сам человек не обрёл законченного образа, но ему предстоит исполнить грандиозную роль соратника Божиего в мировом творении. Какое-то решающее событие ещё должно было произойти на *небе*, событие, которое вскрыло бы, что мир чистой духовности не является итогом Божиего творения, но только приуготовлением к основной драме миротворения. И это событие открыло Первочеловеку, что он не в конце, а только в начале великого пути мироздания.

Познание назначения

Мы все живём так, будто забыли что-то самое главное и мучительно пытаемся вспомнить. В то же время бездумно стремимся утвердиться в этом состоянии забытья.

Дневник самосознания. 10.02.1985

До Дерева Познания Бог вёл Адама и Еву за руку и они были ещё младенцами. Стать в полную меру людьми они могли, только совершив свой первый свободный поступок. Собственный путь человека к Богу и начинается с этого первого шага – познания полноты своей миссии в мироздании, своей творческой свободы и меры ответственности. Всем творением мира первые люди ведомы Богом к Древу Познания. Знания о том, что есть и что должно быть, в каком состоянии пребывает человек и к чему он предназначен. Знания о конечной цели Божиего творения, путях его и миссии в нём человека.

Замысел Творца заключается в том, чтобы небесный мир духовных существ, венцом которого является человек, через богоподобную свободную, творческую природу человека пронизал неустроенный хаос *земли* и преобразил его в гармоничный космос. Творческий замысел Бога: **преображение космической материи**, которая станет **плотью вечных духов в царстве свободы и света у престола**

Божия. Открывшееся назначение поставило человека на острие выбора, где решалась судьба всего творения Божиего. Со вкушением плодов Познания Первочеловеку, **тварному творцу** открывается знание: **добро есть участие в Божием творении, сотворчество Богу, зло же есть отказ, сопротивление и восстание на творческий акт Бога**. Отныне всё, что способствует исполнению творческого замысла Бога – есть добро. Всё же, что сопротивляется замыслу Творца, откуда бы оно не исходило – есть зло.

Но человек не только нечто познаёт в первом своём поступке, но и впервые самоопределяется. Начало его **самосознанного бытия** положено не в момент вкушения плода и не тогда, когда он протянул к нему руку, а когда внутренне на это решился. Со вкушением плода познания человеку не только нечто открывается, но и что-то совершается в его бытии. *«Библейское слово “даат”, “познание”... означает не теоретическое знание, а овладение, умение»* (свящ. Александр Мень). Человек проявил умение и вступил в обладание сущим, мир с сего момента начал быть.

Первое событие после вкушения плодов знания непосредственно указывает на истинный смысл свершившегося: *«И открылись глаза у них обоих...»* Адам и Ева не были слепы, но, очевидно, их зрению был доступен лишь внешний образ явлений. Открылся же их внутренний духовный взор, который узрел смысл сущего. Прежде всего, человеку открылось, что природа его *нага* (*«...и узнали они, что наги...»*), то

есть бесплотна, не полна. Чистая духовность осознается как недостаточность и требует одевания плоти, воплощения. Ответный импульс человека – к обретению плотских риз: «...и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3. 7). Но окончательное воплощение разворачивается как драма постепенного отпадения человека от близости к Богу в мировую плоть:

«...и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога...» (Быт. 3. 8); «И выслал его Господь Бог из сада Едемского...» (Быт. 3. 23).

Обретение плоти

В вопрошании Бога и в ответах Адама и Евы окончательно **выявляется роль участников события**, их миссия и состояние, определяемое последствиями этого акта (Быт. 3. 9–13). Всеведущий Бог говорит с людьми не для того, чтобы узнать нечто неизвестное для Себя, но чтобы **глаголом Своим определить сущность происшедшего**. Здесь же впервые голос Творца переплетается с человеческим. Вопрос Господа направлен к человеку, и человек должен открыть нечто **в себе**, но перед лицом Бога. Вопрошания Творца предполагают ответ человека, диалог, на который человек становится способным, вкусив плоды познания.

Отныне всё происходящее в бытии является последствием и результатом этого творческого диалога, который оказывается **началом именованния бытия**, наделением реальностей их содержательностью. Бог взывает, человек отвечает для Себя и мир начинает быть.

«И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты?» (Быт. 3. 9).

Это зов Бога к Первочеловеку, на который тот должен дать свой первый ответ. Этот зов включает в себя призыв: Адам, стань таким, каким должен быть. В то же время в нём заключено вопрошание: кто ты теперь есть, каков ты стал и каким себя самополагаешь?

«Он сказал: *голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся*» (Быт. 3. 10).

Призыв (*голос* Бога, прозвучавший в прообразных сферах для Себя *в раю*) услышан Адамом (*я услышал*). В свете этого призыва состояние чистой духовности (*я наг*) осознаётся Адамом как ещё недостаточное и потому недолжное (*и убоялся*), и из первообразных сфер совершается шаг в иное, первое движение в плоть (*и скрылся*).

«И сказал [Бог]: *кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?*» (Быт. 3. 11).

Адаму задаётся вопрос: как, какими путями открылось ему должное и недолжное – назначение (*кто сказал тебе*)? Этот вопрос предлагает ещё раз углубиться в суть происходящего, окинуть духовным взором свершившееся и оценить его в свете грядущего. Здесь Бог вновь обращается к Первочеловеку с предостережением: всё оценить, в первую очередь смертные последствия совершаемого шага, – посильное ли это бремя для Божиих чад?

Только в этом вопросе впервые по отношению к Дереву Познания (симптоматично – в прошедшей форме) появляется жёсткий глагол *запретил*, что в свете излагаемого может быть понято как напоминание о том, что Бог запрещал прикасаться к Дереву добра и зла **внутренне неподготовленным** и вершить мировыми событиями в духовно **расслабленном состоянии**. Бог вновь отцовски бережно, но и стро-

го напоминает о безмерной ответственности, налагаемой на человека великим совершающимся событием.

«Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела» (Быт. 3. 12–13).

Вечные двое сознают, что выбор совершён и принимают его неотвратимость: *я ел, я ела*. Этот диалог Бога с тварью выявляет нить, связывающую духовные прообразные сферы с меоническими глубинами. Ещё раз определяются точки изначального глубинного соприкосновения этих миров, без чего эти сферы остались бы навечно непроницаемыми друг для друга.

Бог обращается к человеку, Первочеловек же в Адаме – **восприемник и исполнитель** Божиего Предустановления, в Еве – **чуткий слышатель** стенаний меонических глубин (являющихся в образе змея). В Адаме-мужчине человек принимает бремя активности, свободы и ответственности, в Еве-женщине – вкушает от плода познания человеческой миссии и назначения.

В этих вопрошаниях Божий взор пронзает пласты сущего сверху вниз: воззвания Бога поочередны – к Адаму, к Еве, к змею. Затем взор Бога вновь подымается, наделяя бытийностью всё сущее и определяя всему своё место и роль уже после акта грехопадения:

«И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это,

проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3. 14–15).

За формой проклятия скрыт глубинный смысл. Проклят змей не перед Богом (что только и было бы настоящим проклятием и отвержением), а *пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми*. То есть – перед низшей тварью, которая сама ещё в низменном состоянии и не может олицетворять собою истинный критерий, но только свой низший удел. В трагически напряженном обращении слышится предостережение, в котором Бог открывает цену, которую человек должен заплатить за воплощение. Бог раскрывает человеку грядущие мировые битвы, где не все будут иметь силы сохранить свой истинный облик, многое исказится гримасами боли, отчаяния, злобы, мстительности, жестокости.

Мир духовных первообразов, водительствоваемый человеком, и меонические стихии, в голосе змея стенающие к преобразению, – **призваны к встрече и взаимопроникновению**. На *небе* они узи аю т друг друга, но в мире сем встретятся во вражде. Стремления природных стихий будут искажены, попораны и прокляты. С погружением в хаос у всех участников драмы потускнеет память об изначальной мудрости низшей твари (*змея*), и это приведёт к вражде между

семенем (*плодами*) её и семенем и плодами мирского человека. Вихревые потоки хаоса сотрут в памяти человека образ его первого мудрого решения, исказит его отношения с низшей тварью.

Далее Богом приоткрываются естественные последствия падения в мир *земной*. Естественные, ибо они проистекают по законам естества, для возврата же и подъёма потребуются усилия сверхъестественные.

«Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3. 16).

Женскому началу суждены бремя, муки и боль воплощения-рождения в мир человека. Здесь же окончательно устанавливается нераздельность женского и мужского и истинное отношение между ними.

«Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3. 17–19).

Адам услышал голос жены своей и, отведав от Древа Познания, положил начало *проклятому* земному времени.

Отныне мужскому началу по преимуществу нести на себе крест мировой трагедии творения. От *проклятой* земли, которая «*В начале... была безвидна и пуста, и тьма над бездною...*» (Быт. 1. 1–2), человек будет вынужден отвоёвывать жизненные соки (*со скорбью питаться, в поте лица*).

Не только на творческий акт человека, но на его существование в мире ополчатся грозные меонические стихии земли (*терния и волчцы произрастит она тебе*). Человек же и посылается в бесплодную стихию, чтобы оплодотворить и преобразить её. Но **жизнь в миру закончится земной смертью**, и всё, что от праха в человеке – в прах и возвратится (*ибо прах ты и в прах возвратишься*).

«*И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их*» (Быт. 3. 21). Что значит: Сам Творец покрывает перволюдей одеянием плоти.

Встреча неба и земли, отпадение человека в землю есть начало мира. Его история – это не только история торжества, но и трагедия. Ибо «*сделались входы века сего тесными, болезненными, утомительными, также узкими, лукавыми, исполненными бедствий и требующими великого труда. А входы будущего века пространны, безопасны, и приносят плод бессмертия. Итак, если входящие, которые живут, не войдут в это тесное и бедственное, они не могут получить, что уготовано*» (3 Езд. 7. 12–14).

Естественное последствие вхождения небесного духа человека в мировую плоть – отпадение от близости к Богу: «*И*

выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама...» (Быт. 3. 23–24). Это означает закономерное, Богом предусмотренное последствие свободного выбора человека.

Теперь то, что в природе человека от земли – призвано только к *возделыванию* земли, к изнурительному труду по добыванию из неё жизненных сил. Но в человеке не только прах земной. Вечный его дух опускается с небесного рая на землю и призван вновь вернуться на *небеса* Бога, но теперь уже со спасённой и преображённой землёй.

Итак, в преображении бытия Творец обращается к свободе Первочеловека. Адам существует в прекрасном, гармоничном, Божественном мире духовных первообразов – в раю. Если бы он был полностью удовлетворён наличным существованием, то остался бы на *небе* на вечные времена. Ангелы – это духи, свободно выбравшие такую миссию *воинства небесного* – служителей Господних и предстоятелей людей перед Богом. Эта роль, условно говоря, более почётна, но менее бытийна, ибо бытие есть воплощение и преображение. «*Не ангельское дело творить*» (Св. Иоанн Златоуст). «*Ангелы не суть торцы*» (Преп. Иоанн Дамаскин). «*Бог соделал человека участником в творчестве*» (Ефрем Сирин). «*Человек больше по образу Божию, нежели ангелы, потому что его соединенный с телом дух обладает живительной силой, которой он одушевляет своё тело и управляет им. Это – та способность, которой нет у ангелов, духов бестелес-*

ных, хотя они и ближе к Богу в силу простоты своей духовной природы» (св. Григорий Палама).

Свобода вечных душ настолько беспредельна, что они могут и отказаться от творческой свободы и ответственности, от участия в творении Божиим. Это есть сопротивление творческому акту Бога и означает восстание на Самого Творца. Очевидно, некоторые души ещё в раю, в невоплощенном состоянии беспредельно возгордились своим богоподобием и восстали на Творца. За что и были низвергнуты Богом из райского состояния, но не на землю, не в воплощение, а в преисподнюю – тёмное безблагодатное измерение небытия. Синтетическое имя этих восставших духов, падших ангелов – Люцифер («утренняя звезда»). Это о нём говорится в Библии:

«В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви – покров твой. Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своём: “взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14. 11–15).

Люцифер олицетворяет зло, зачавшееся на небе. На земле тоже проявятся силы восстания на творение Божие, и эти силы синтезируются в Сатане – князе мира сего. Оба разнополярных источника зла встречаются в мире сем и сливаются

ся в общем небытийном усилии. Слова Библии можно отнести к моменту этого слияния зла: «*Ад преисподний пришёл в движение ради тебя, чтобы встретить тебя при входе твоём; пробудил для тебя Рефаимов, всех вождей земли; поднял всех царей языческих с престолов их*» (Ис. 14. 9).

Адам – человек

Как известно, во многих местах Библии слово «Адам» означает – «человек вообще», и в то же время у **Ягвиста** это определённо имя собственное (Быт. 4. 1– 25; 5. 1–3). **Гексамерон** же указывает на множественность, заключённую в этом слове: «*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они...*» (Быт. 1. 26).

В Библии заложена противоречивость, которая получила дальнейшее развитие в двух оппонирующих традициях: Адам рассматривается либо как конкретный человек, либо как образ всего человечества. Но смысл противоречия раскрывается в свете **персоналистической диалектики единства и множественности, назначения и ответственности.**

Христос воплотился в облике конкретного исторического человека Иисуса из Назарета, имеющего собственную волю и конечное земное тело. В то же время телесность Его объёмлет весь космос: «*...так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены*» (Рим. 12. 5). Подобно Новому Адаму и Адам Ветхий – это конкретный человек, в облике которого отражается всё человечество.

Вспомним, что все события с Адамом и Евой до грехопадения происходят в раю, на *небе*, в **первообразных сферах**, где сотворён прообраз каждого человека, который

впервые самоопределяется. Ещё не положено начало смертно-носному времени, каждая душа в вечности формирует собственное назначение. Всё это происходит в Боге и совместно с Богом, но одновременно в глубине души. Духовно слагается единство человечества, и в то же время души избирают собственный путь воплощения, вплетающийся в общую судьбу. Каждый индивидуальный вечный дух, разделяя общее бремя, избирает свою меру ответственности. Эта диалектика общности и единичности впервые персонифицируется в облике Адама и Евы.

У каждого в руках и своё, и общее. Назначение Адама и Евы было в том, чтобы совершить первый шаг с небес на землю и уже в миру положить начало человеческому роду. Им были доверены свобода и ответственность всех вечных личных душ. В этом смысле Адам и Ева – всечеловечество: *«Адам есть весь род человеческий»* (блаж. Августин). Адам и Ева предназначены **выразить совокупную волю всех вечных душ**. Таково не магическое, но **духовное соборно-персоналистическое единство человечества**: *«Мы были в нём одним, когда были все он один»* (блаж. Августин); *«В одном теле была сообщата Богом всяческих полнота человечества»* (св. Григорий Нисский).

Таким образом, Адам олицетворяет *«всеединую личность, обнимающую собой всё человечество»* (Вл. Соловьёв) во всех аспектах человеческого бытия. Имя Адам, которое означает *собственно человек*, указывает на соединённость

мужской и женской природы в человеке. В образе Первочеловека едины и Адам, и Ева. В Библии описывается, что Ева создаётся из плоти Адама, фактически выделяется из него. Значит, первоначально имя Адам носит существо, в котором ещё не произошла половая дифференциация, но в котором все, в том числе и природа мужского и женского, содержится потенциально. Всеобщность содержания первочеловека описывается в «Каббале» в образе Адама Кадмона – андрогинного вселенского существа. Десять Сефиротов Адама Кадмона заключают в себе все небесные и все земные качества всех людей и человека как такового.

Адам – образ того, каким Бог задумал человека в полноте его бытия. Но это не лишает библейских Адама и Еву единственности и неповторимости. Они являются не только обобщающими отвлечёнными образами, а и конкретными живыми людьми. Их индивидуальная судьба – это начало общечеловеческого пути, который, в свою очередь, будет продолжен в истории другими личностями. Только Адам и Ева непосредственно из рук Создателя получили плотские ризы, Самим Богом были выпущены в земную жизнь. В этом смысле они не рождены в миру, но являются **первыми людьми** в мире и **прародителями** человечества. Через Адама как отца и Еву как мать всех живущих начинается нисхождение вечных душ на землю – рождение людей в мир. Адам и Ева вышли в мирскую жизнь непосредственно из рук Творца, все же остальные люди для рождения в мир нуждаются не толь-

ко в Божием водительстве, но и в помощи уже живущих на земле людей.

Итак, *«От одной крови Он произвёл весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределённые времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога...»* (Деян. 17. 26–27). Новозаветное Благовестие напоминает, что все души людей не рождены Перволюдьми, не отсоединились от Адама, но созданы непосредственно Творцом (ибо Он *произвёл* весь род человеческий, и люди – род Божий – *«...мы, будучи родом Божиим...»* (Деян. 17. 29). Сонм вечных душ предназначен охватить всё бытие (для обитания по всему лицу земли), каждой душе в этом положено своё предназначение (назначив предопределённые времена и пределы их обитанию). Назначение каждого вечного духа и всех вместе в земных скитаниях вновь обрести Бога и исполнить Богом данную миссию (дабы они искали Бога).

Диалектика свободного самоопределения

Первочеловек, совершив первый свободный поступок, вкушает от плодов Дерева Познания, и ему сполна открывается собственно человеческое назначение: низринуться с небес в меоническую бездну, оживить и преобразить хаос и вернуться к Богу с преобразённым и спасённым миром. В акте, называемом грехопадением, человек принимает бремя мировой истории, но не как грех, а как **творческую задачу и долг** исполнения замысла Божия. Небесный Первочеловек, «*в путь узкий уйдя прискорбный, в жизни крест как ярмо взяв*» (тропарь), становится земным человеком. Начинается космическая история, процесс преобразования и становления *Нового Неба* и *Новой Земли*, история борьбы добра и зла.

Человек добровольно вышел из состояния близости к Богу. Но этот уход стал первым **собственным** его шагом к Богу. Удаляясь в физическом плане от райского Божиего лона, он во внутреннем измерении сближается с Богом, ибо это его свободный ответ-принятие призыва Творца. Человек свободен, свобода – дар Божий: Бог есть Дух, а Дух – это свобода. Свобода – высшее, что есть в человеке, искра Божия, образ и подобие Бога, и потому не может в свободе корениться порочность. Поэтому первое свободное самоопределение не

может быть полностью греховным и не является основным или единственным источником мирового зла. В вечности человек свободен принять бремя творения, но свободен и отказаться.

Предвечно свободен человек в Боге, и вовеки Бог в человеке. Предвечен Богочеловек. Сам Бог в человеке решается на преобразование *земли*, на спасение её. Адам – человек в Боге – в акте, называемом грехопадение, свободно выражает согласие на Божественное Предустановление. Сошествием человека с *неба* на *землю*, из рая в хаос – положено начало становлению хаоса в космос, взаимодействию изначально противоположных сфер в лоне творения Божиего. Мир райский, духовный, воплощаясь, нисходит. Земной хаос, одухотворяясь, восходит. Но в каждой из противоположных сфер бытия велика косность. Эта стихия инерции, исходящая и с *неба*, и с *земли*, становится в мире сем основой сопротивления творческому акту Бога, основанием мирового зла. Как в сфере духовных первообразов наличествует тенденция сохраниться в первозданной чистоте, так и в хаосе велико стремление остаться в первоначальном состоянии. Отсюда предвечный драматизм творения.

В вечных душах по мере погружения в материю обостряется стремление вернуться в отчее единство, укрепляется сила любви к Божественному. Но **эгоистическая спиритуалистическая привязанность** может ослаблять **волевое усилие преобразования**. Всепоглощающая носталь-

гия по первообразному духовному состоянию, крайний аскетизм разрушает связи души с плотью и отрывает дух от материи. Так высокое устремление, выпадающее из целостного акта творения, может обернуться восстанием на творческий замысел Бога.

При одухотворении хаос проявляет косное сопротивление в формах фатума, рока, необходимости, случайности, бессмысленности. Совокупная косная стихия сопротивляется Божественному творению, обрывается в небытие, во зло. Гармоничное **объединение в душе человека стремлений к небу и земле в преобразовательном порыве** – и есть полнота любви к творению Божию и к Самому Творцу. Это – *мужество быть* (выражение Пауля Тиллиха), сила **утверждения бытия** вопреки всему, что противостоит бытию – **богочеловеческому миротворению**.

Это Божественное призвание в душе человека (любовь к Богу и любовь Бога) неискоренимо. Душа может плениться стихиями мира сего, может ниспасть до отрицания Бога и Его творения, но любовь к Вечному в душе неуничтожима, сохраняется как искра Божия в человеке. Оттого, слыша **гимн любви Апостола**, мы ощущаем прилив светлых сил, любовь узнаёт себя и свою цель, проникает всё существо человека. Конечная же цель любви – добро, выполнение творческого замысла Бога. *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю*

все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение моё и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13. 1–8).

Многозначность акта «грехопадения»

В установившейся традиции первый человеческий поступок определяется как первородный грех или грехопадение. Предложенный в этой работе подход не является полным отрицанием традиции, а попыткой вскрыть в ней подлинный смысл и в то же время объяснить существование общепринятого. В концепции грехопадения выражено фундаментальное понимание бытия человека. Я не могу принять ту линию в традиции, которая видит в этом мире только юдоль скорби, где человек лишь падшее греховное существо, не имеющее никакой творческой миссии. Может быть, господство этой установки, с одной стороны, и несправедливая борьба с нею в последние века, с другой, и заводят человечество в исторический тупик.

Чтобы выбраться из сегодняшнего мрака, необходимо увидеть человека, прежде всего, со стороны его богоподобия, его творческой миссии, его противостояния хаосу жизни, его богоподобной свободы и вселенской ответственности. Христианство, вопреки угнетающей человека традиции, благовествует радость творческого бытия, преобразовательную миссию человека и преемственность этого и того миров. Истина требует от нас защитить ценность и смысл бытия в этом мире.

Эта попытка осмысления истинного назначения, которое

сообщается человеку в библейском сказании о творении и грехопадении. Как уже говорилось, само сказание изображает **метаисторические события** *сквозь тусклое стекло*. Тем более замутнён смысл в толковании сказания. Ибо в состоянии затерянности в мировом хаосе и тоски о потерянном рае душе человека видится в первоначальном акте бытия только грех и только падение.

Мировая трагедия, катастрофы и смерть затмили взор людей, и они перестали помнить и понимать истинный смысл своего первого поступка. Мы мечемся, пытаюсь найти виновника ужаса бытия в мире, обвиняем природу, себя, свой первый шаг, Самого Бога объявляем безжалостным и ответственным за зло и страдания. Но Благой Вестью мы призваны вспомнить о своей небесной миссии на земле и найти в себе силы принять трагедию мира, не пленяясь ею. **Принять мир не как результат греха и вины, а как творческую задачу и долг.**

Но в том, что началополагающее событие в бытии названо грехопадением, содержится доля истины. Сказание вместе с вестью о **свободном творческом низвержении** человека *с неба на землю* содержит также и воспоминания о том, насколько это назначение исполнилось и в чём оно изначально исказилось. Прежде всего, какая-то часть вечных душ отказалась принять Божественное Предустановление к миротворению, тем самым положила формирование сонма противников Творца – сферы зла.

Далее, и для всех душ, исполнивших Божественное назначение, в самом уходе от Бога в мировой хаос впервые является возможность греха. В акте вхождения в плоть грех присутствует потенциально, ибо только в мире сем возможен грех как своевольное отпадение от Бога. Этим объясняется название поступка, открывающего возможность греха и зла, грехопадением.

Вместе с тем, в традиционном толковании содержится истинное указание на то, что многие грехи мира являются результатом искажения первоначального выбора человечества. Очевидно, в момент **миссионерского схождения** в него вплелись семена тления, потенции греха и зла. Принципиально человечество приняло своё назначение. Но в самом деянии содержалось нечто, его отрицающее. **Акт принятия должного был совершен не вполне должным образом.** Эти **первичные отклонения в первом выборе**, вне зависимости от того, каким содержанием они наполнены, и можно назвать первородным грехом. **Первородный грех** – это первый грех перволюдей, породивший все остальные грехи мира. Первородный грех вплетён в то деяние, которое называется грехопадением, но является только тёмной его стороной.

Было бы в мире зло, если бы не было Первородного греха? Можно представить, что Первочеловек в первом своём акте целостно и всеобъемлюще принял божественное назначение. В таком случае космическая история имела бы совер-

шенно иной облик, в мире не было бы греха и зла. Но такое допущение обречено быть только гипотетическим. Ибо безошибочное решение мог принять и безгрешное действие мог совершить только Сам Бог. Человек же, такой, каким он был сотворён (по образу и подобию Божию, но ещё не законченный и не равный Богу, не сообщаясь целиком с Богом), не мог бы и не смог совершить деяние, доступное только Творцу. **Возможность ошибки и греха вплетена в онтологию тварного бытия**, которое ещё только призвано к богоуподоблению по собственной воле. Несовершенное по сути вещей не способно действовать совершенно, оно только призвано к совершенствованию, путь к которому невозможен без исканий, ошибок, заблуждений и греха.

Творец **такого** мира, каким мы его знаем, и **такого** его назначения, какое нам открывается, изначально идёт на риск человеческого отпадения, заблуждения, греха и даже измены. Повисание творения Божиего над бездной риска и выражается в образе Распятого Бога – Творца, по своей воле распявшегося ради твари, принявшего на Себя все последствия, трагедию и страдания **богочеловеческого сотворения бытия**. Но образ Креста и Голгофы указывает и на ту единственную форму влияния на творение, которую Творец оставляет за Собой: *Бог использует все средства спасения человека, за исключением тех, которые нарушают его свободу*. Бог присутствует в мире, не нарушая Своим могуществом равновесия сотворённого Им бытия.

Таким образом, был первородный грех – первые грехи первых людей, последствия которых сказываются на всей истории. Но не было абсолютного впадения в грех всего человечества и мироздания. Начало бытия положено не грехом, и история не является результатом впадения в грех. Поэтому необходимо **онтологическое различие** в событии, называемом грехопадением, **задания и принятия миссии**, с одной стороны, и **первородного греха**, с другой. Осознание этой узловой проблемы поможет человечеству восстановить **небесную вертикаль** и придаст истинные измерения, новые творческие перспективы **исторической горизонтали**.

Арена преобразования бытия

Мир сей – это место и время преобразования бытия. Находящиеся здесь и теперь – ограничены материей, в незнании и во тьме, но они участники и борцы. Можно сказать, что мировая драма разыгрывается на арене, которая наполнена множеством активных деятелей, не помнящих начала и концы бытия, не видящих земных измерений и горизонтов, временных перспектив, но, тем не менее, призванных к творческим свершениям. Живущие, то есть **воплощённые души**, являются активными участниками данного момента мировой битвы; они призваны к свершениям здесь и теперь, но для них сокрыты перспективы вечности. Люди и народы приходят и уходят, эстафета земной истории передаётся новым поколениям.

Не вошедшие и вышедшие из мира сего являются «зрителями», всё видящими и всё понимающими, но только зрителями, вмешаться непосредственно в ход мировых событий они лишены возможности. Эта **арена преобразования бытия** окружена великим сонмом **вечных душ**, которые непосредственно заинтересованы в происходящем в мире сем, ибо от этого зависят и их конечные перспективы. Вышедшие из жизни, а также ещё не воплотившиеся души, открыты измерениям вечности, они видят всё, происходящее на Земле, всё осознают вполне, но они лишены возможности **непо-**

средственного воплощённого участия в миротворении. Вечные души вне воплощения способны в предстоянии перед Творцом бытия и в каких-то духовных деяниях влиять на жизнь в мире сем. Равно как и живущие могут в молитвенном обращении к Богу, в духовных озарениях облегчить мытарства отошедших душ. Эти два плана **теургии**¹² **бытия** связывает некая **духовная пуповина**: религиозные практики, мистические озарения, творческие прозрения...

Земная жизнь и время имеют смысл только потому, что есть вечность, земная история осмысленна только в той степени, в которой является **путём к преображённому бытию**. Цель истории – за пределами истории. Но это **метаисторическое завершение** является **целеподвигающим началом истории**. Истинная цель мирового процесса определяет путь к ней и саму жизнь в мире. Человек идёт к Богу, а Бог – к человеку, человек вместе с Богом – к Новому Небу и Новой Земле. **История есть путь богочеловеческого сотворчества**. И эта творческая связь людей в Боге – соборное единство свободных личностей в добре и вершит историю. Историческое ценно в **приросте метаисторического**, смысл истории – в подготовке к Царству Божию в процессе богочеловеческого творчества. В этом измерении каждая эпоха имеет сверхисторический смысл.

¹² Теургия (*греч.* – богодейство, работа богов). В данном случае – путь спасения вечной души человека в сотворчестве Богу, единение Божественных действий и усилий человеческого духа в миротворении, в преображении бытия.

«Если история вообще имеет смысл, то он возможен, лишь если каждая эпоха и каждое поколение имеет своеобразное собственное значение в ней, является творцом и соучастником этого смысла. Этот смысл должен поэтому лежать не в будущем, а сверхвременно охватывать мировую историю в её целом» (С. Л. Франк). С одной стороны, все творческие достижения отражаются в «**копилке**» **вечности**, с другой – наращиваются силы добра в самой истории и цивилизации. В вечности накапливаются духовные итоги преобразования бытия. В земной же жизни эти итоги отражаются в возрастании в человечестве через падения духовных, нравственных, культурных, социальных ценностей.

II

Европейское грехопадение

Слабость либерализма в потере религиозных корней. Персоналистические ценности либерализма, сформулированные в лоне христианской культуры, изнутри размываются позитивистской стихией. Вообще дух антиперсонализма в европейской культуре (и философии) оказался ужасающе разрушительным.

Дневник самосознания. 5.09.84

Кризис христианства.

Современный мир – христианский. Христианство породило ту культуру, которая определила характер современного мира.

Христианское человечество оказалось не на высоте христианских принципов в решении многих глобальных проблем.

Дневник самосознания. 8.03.86

Христиане Европы в истории

История западноевропейских народов во многом определялась христианским мировоззрением. Современный суицид западной цивилизации, грозящий мировой катастро-

фой, говорит о том, что её формирование сопровождалось некими изначальными заблуждениями и пороками. Прежде всего, чрезмерной зависимостью от натуралистической ветхозаветной религиозности, во многом противоположной духовному откровению Нового Завета. Принятые в христианстве как священные тексты Ветхого Завета идентичны священным текстам иудаизма (Танах – «еврейская Библия»). Если в иудаизме в них явлено **полное и окончательное откровение Яхве**, то для христиан они описывают **путь богоизбранного народа к Истинному Богу – Откровению Иисуса Христа**. Поэтому одни и те же тексты трактуются по-разному в иудаизме и христианстве. Кроме первых глав Книги Бытие, описывающих создание мироздания и человека. Христианство переняло материалистическую иудейскую концепцию о «грехопадении» человека, усиленную учением Блаженного Августина о «первородном грехе», – крайне натуралистическом и по сути нехристианском. Некритическое заимствование христианскими народами иудейской концепции «грехопадения» **ограничивало и искажало** восприятие Новозаветного Благовестия. Это по-разному сказалось на мировоззрении и судьбе западноевропейских и русского народов.

В истории Западной Европы **грехопаденная установка формировала религиозное сознание, выстраивала организационную систему церквей**. Феномен Папства мог возникнуть только в падшем мире и для падшего чело-

века, нуждающихся в непосредственном религиозном руководстве мирской инстанцией, неограниченно сакрализованной. **Стремление христианизировать народы посредством мощных властных структур свидетельствует о недоверии сущности Новозаветного Откровения**. Папа Римский владеет функцией преемника Святого Петра, как первого римского епископа. По этой логике все поколения христианских епископов являются преемниками апостолов, но при этом не претендуют на верховное руководство в своих церквях. Апостолы Пётр и Павел называются «первоверховными апостолами», но не верховными руководителями апостолов, в то время как Папы, будучи епископами столицы языческой империи, претендовали на верховенство в Католической Церкви. **Только в натуралистическом сознании религиозное руководство могло обрести таким набором вполне мирских титулов, несущих вековые властные и языческие традиции**. Папа Римский носит официальный титул «римский понтифик» или «великий понтифик», (*лат.* «великий жрец», букв. «великий строитель мостов»). В Древнем Риме – верховный жрец, глава коллегии понтификов, высшая жреческая должность. Иногда эту должность занимали цари, Великим понтификом был Гай Юлий Цезарь (император Октавиан Август). Для максимального вполне мирского верховенства Папа Римский одновременно владеет тремя нераздельными функциями власти: глава и суверен Святого Престола, преемник Свя-

того Петра, видимый глава Католической церкви и её верховный иерарх, суверен города-государства Ватикан. Многочисленны и титулы Папы: епископ Рима, викарий Христа, наместник Христа, преемник князя апостолов Петра, верховный первосвященник Вселенской Церкви, Пастырь всей Церкви на сей земле, Великий понтифик, Примас Италии, архиепископ и митрополит римской провинции, суверен города-государства Ватикан, раб рабов Божиих... Папа обладает над всей Католической Церковью высшей властью по вопросам управления, веры и нравственности. Папа провозглашает догматы веры наравне со Вселенским Собором, что утверждено догматом о непогрешимости (безошибочности) Папы, провозглашенном на Первом Ватиканском соборе в 1870 году. По существу собор Католической Церкви как одной из христианских конфессий не только присвоил полномочия Вселенского Собора, но и не полномочно делегировал их Папе. Неограниченная концентрация религиозной и светской власти являлась механизмом экспансии католицизма. Степень эффективности такого рода миссионерства можно оценивать тем фактом, что половина христиан в мире не является католиками. При всём разнообразии не католических деноминаций, они отличаются от папства тем, что более доверяются не власти силы, а силе веры.

Католическая миссия – христианизация всех народов мира через подчинение Папе Римскому – преемнику Святого Петра. Что невозможно без всеобщего насилия и истреб-

ления. Это выразилось в **западноевропейском шовинизме**, в **глобальном колониализме**, в **формировании научно-технической цивилизации**, **нацеленной на завоевание природы** («*Знание – сила*» – Бэкон). Протестантские деноминации в этом верные последователи католицизма.

Разделение Церкви на Католическую и Православную (Великий раскол) в 1054 году произошло по преимуществу из-за **претензий Папства на всеобщую власть** (католический – *греч.* всеобщий, вселенский, универсальный) в христианских церквях, нередко и на светскую власть. Затем с веками множились разногласия и различия. **Раскол протестантизма** тоже был направлен против диктата Римских пап и массовых злоупотреблений католического духовенства. Вместе с тем, по протестной инерции было **отвергнуто богатейшее христианское Предание**: церковная организация, догматы, соборы, священство, таинства, произведения Отцов и учителей Церкви, христианское богословие... **Только Писание – Библия** признавалась единственным боговдохновенным текстом и единственным источником христианских доктрин. При этом не осознавалось, что тексты Нового Завета десятилетиями передавались изустно, затем из многочисленных написанных текстов был отобран Новозаветный Канон, – **на основании складывающихся традиций первых христианских общин**. То есть, **само Писание формировалось в лоне исторического Предания**. Отвергну наработанные веками христианские исти-

ны и традиции протестантская религиозность беднеет, упрощается, рационализируется, подвергается ещё **большей зависимости от иудейского натуралистического мировоззрения.**

Ветхий Завет признается боговдохновенным наряду с Новым Заветом, его тексты должны толковаться буквально, как и в иудаизме. Это касается и библейского повествования о сотворении мира. Верующий христианин лишается помощи вероучительного и вероподвигающего массива христианского Предания, которое заменяется индивидуальной верой, безотносительно к делам и поступкам. Спасение каждого является незаслуженным даром Бога. Эта фаталистическая предопределённость причудливым образом сочетается в протестантизме с концепции Лютера о «призвании»: Бог предназначает людей к тому или иному виду деятельности, вкладывая в них различные таланты и способности, долг человека прилежно трудиться, исполняя своё призвание. Это дало основания Максу Веберу утверждать о большем «экономическом рационализме» протестантов по сравнению с католиками, что объясняет успешное капиталистическое развитие протестантских стран. Зацикленность религиозности натуралистическим измерением порождало в протестантизме такие явления, как объявление движением «немецкие христиане» Иисуса «арийцем», что подвигло их одобрять нацистские расовые законы. Либеральная теология вышла за пределы христианства, отрицая божественность

Иисуса Христа, Который был идеалом нравственного человека.

Отвергнув власть Папы, протестантизм во всех его деноминациях сохранил и усилил **ветхозаветное понимание Бога и человека**. По Новозаветному Благовестию вечная душа каждого человека сотворена Богом как Его образ и подобие, что является основанием и стимулом развития представлений о самоценности жизни каждого человека. В книгах Ветхого Завета представления о вечной индивидуальной душе появляется под влиянием платонизма только у поздних пророков. В средние века иудаизм заимствует в христианстве концепции о вечной душе, телесном воскресении и возмездии в будущей жизни, – более всего в Каббале. Но по преимуществу речь идёт о духовном и мессианском спасении наравне с физическим избавлением еврейского народа.

Христианство и иудаизм

Изначально и веками грандиозное моноэтническое откровение иудаизма о Едином Боге, великие пророки, Псалмы, были **целенаправленны на физическое избавление еврейского народа от гнёта**. Главной заботой еврейского законодателя, пророка и апокалиптического писателя была победа Израиля как народа Божиего **в земной истории**. Огромная **религиозная энергия иудаизма направлена с неба на землю**: Яхве явил откровение о **земном спасении только еврейского народа**. Отсюда страстное всеохватывающее ожидание Мессии как политического искупителя Израиля, подчинившего все народы иудеям, – в этом основной вектор, доминанта, источник сплочения и жизненной энергии еврейского народа. Отсюда и агрессия к явлению Истинного Мессии – Богочеловека, **обесценивающего главное религиозное упование еврейства**. Как-то откликнуться на проповедь Иисуса Христа смогли только люди престоляродья, находящиеся на периферии страстной иудейской религиозности. Но и они смогли проникнуться истиной о воплощении Самого Бога в человеческом облике только после Распятия, Воскресения и явления Иисуса Христа в преображённой плоти.

Иудаизм, явив миру последовательный монотеизм (хотя в Ветхом Завете оставались рецидивы многобожия: «*Бог стал*

в сонме богов; среди богов произнес суд» (Пс. 81. 1), по существу оставался языческой религией, ибо Бог в нём племенной, обращённый только к еврейскому народу, Яхве не является Абсолютом, создателем бытия и спасителем всего человечества. **Религиозное целеполагание, сконцентрированное на земной исторической миссии богоизбранного народа при сильнейшем генотипе этноса стало основой еврейского мировоззрения и образа жизни, культуры и цивилизации, в конечном итоге основной силой сплочения и выживаемости еврейства в течении тысячелетий рассеяния.** При отсутствии единой чёткой догматической системы вероучения и жёсткой организации различных направлений, при размытости противопоставлений сакрального и мирского, иерархии и мирян, догматики и предания, иудейская религиозность определяла национальную принадлежность и формы обыденной жизни еврейского народа.

В иудаизме человек сотворён по образу Божию, венцом и кульминацией Божиего творения, но таковыми являются только иудеи, поэтому они предназначены быть правителями земли и заместителями Бога. Израиль как народ Божий с правлением Мессии как политического вождя должен установить вечное Царство Божие на земле. Отсюда **чувство богоизбранности еврейского народа сплетено с ненавистью к неевреям – гоям:** *«Убей его... побей его камнями до смерти»* (Втор. 13. 6–10).

«Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников... И младенцы их будут разбиты пред глазами их; дома их будут разграблены и жены их обесчещены... Луки их сразят юношей и не пощадят плода чрева. глаз их не сжалится над детьми» (Исаия, 13, 16, 18).

«Убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин... а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя» (Числ. 31. 17,18).

«Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое...» (Исаия, 63. 3–6).

«А в городах этих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор. 20. 16).

Ничего подобного не может быть в Благовестии Спасителя. **Новозаветный религиозный вектор противоположен иудейскому, – нацелен с земли на небо**, на спасение в вечности людей всех народов. Главные заповеди христиан: *«возлюби Господа Бога твоего... и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10. 27)*. В отличие от иудаизма христианство – это религия любви: *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (1 Ин. 4.16)*. Ничего близкого нет в Ветхом Завете. В иудаизме невозможно представить молитвы за обидящих преподобного Ефрема Сирина: *«Помилуй, Господи, ненавидящих меня и завидую-*

щих мне! Помилуй, Господи, клеветующих на меня и наносящих мне обиды! Ничего злого не сотвори с ними за недостойного раба Своего; но по неизреченному милосердию Своему и по безмерной благодати Своей ни в этой жизни, ни в будущем веке да не потерпят они зла за меня, грешного! Освяти их милостью Своей и осени благодатью Своей, Всеблагой, потому что пред всеми благословен Ты во веки веков. Аминь».

Христианство, восприняв священные тексты иудаизма, означило их как Завет Ветхий, Завет Старый, как тесты вторичные, вспомогательные, **подготовительные к восприятию Благовестия Иисуса Христа – Нового Завета**. В христианском богослужебном массиве и в богословии выделяется именно то, что так или иначе, в той или иной степени свидетельствует о приуготовлении явления Богочеловека. Но бездуховность, натуралистическая замкнутость, агрессивность текстов Ветхого Завета (Еврейской Библии) чрезмерно повлияли на формирование христианского сознания. В наибольшей степени универсальность, метафизику и духовность Новозаветного Благовестия восприняли народы православного Востока, Византии, Русской Церкви.

Полюсы иудейской религиозности. Дневник самосознания. 28–29.10.84

- 1. Открытость Трансцендентному Единому и одновременно Личному и обращающемуся к человеку Богу.*
- 2. Чувство безусловной ценности и значимости*

земного существования. Мировая история и судьба – это единственная арена, где всё должно произойти и где всё обязано **завершиться**.

Эти полярные устремления еврейского духа требовали одновременного погружения в мирское существование и отлёта от него в трансцендентные сферы. Выход в вечность должен был завершаться ещё большим входением в преходящую временность. Всё до мельчайших деталей нужно устроить и упорядочить **в этой** жизни, но **так**, как это продиктовано свыше жизни.

Время впервые ощущается как уходящее безвозвратно и несущее неизменный конец. Пророчества пророков – это одержимость пафосом грядущего конца, перед лицом которого человек не успевает использовать отпущенное ему время для завершения того, что потом уже не восстановимо и не искупимо, но что будет подлежать последнему Великому Суду.

Эта грандиозная ширь еврейского духа с трудом удерживала равновесие и расщепляла душу. Особенно тяжело было сохранить в чистоте чувство служения надмирному Личному Богу – Яхве. Неустойчивое равновесие восстанавливалось и поддерживалось только на высотах иудейской духовности. Вся ветхозаветная история – это история попыток установить и удержать гармонию двуединого служения: Богу и миру, вернее, Богу в мире. Эта изначальная и назначенная духовная амбивалентность

страшно болезненна, и потому во имя охранения здоровой монолитности душа еврейского народа совершала крен, и еврей из странника и пришельца в этом мире, призванного устроить и преобразить его, превращается в жителя земли, пытающегося уютно на ней устроиться. И чем большему это не удаётся, тем больше он стремится к этому. Чем бездомнее еврея делает безжалостная к нему история, тем более он пытается укрыться от жизненного вихря в скорлупе собственного дома: болезненной регламентированности и замкнутости уклада, веры, кровной изолированности и отчуждённости.

С потерей веры в Яхве из жизни евреев выпадает скрепляющий, одухотворяющий и благоустраивающий стержень. Житейски еврей превращается в самое жалкое или же безжалостное человеческое существо. То есть либо бесхребетно аморфное, и потому пытающееся к чему-либо прилипнуть, зацепиться за что-либо без разбора, только чтобы паразитически вобрать жизненную силу и энергию. Либо закаменевшее, застывшее душой существо, с остекленелым взглядом; для такого всё – нежить и голая материя для собственных воплощений. Еврей-атеист – самый виртуозный и изощрённый растлитель и разрушитель.

Так истово религиозная душа, в жизни которой сакрализованы почти все её отправления, превращается в самую агрессивную индифферентность. Пуговина, связывающая душу еврейского народа

с Богом, оборвалась, и на месте этого обрыва образовалась аннигилирующая пустота, чёрная дыра, в которую срывается, соскальзывает всё духовно означенное в жизни еврея. За последние несколько веков образовался новый душевный тип еврея. Вековечно сильный еврейский дух постепенно изменил направленность служения на противоположное. Еврейство живёт, служа и служит живя, это жизнь-служение, которое является главной причиной сквозьвекового сохранения ^{этого народа как оно же} было, основной причиной и условием его образования, рождения. Истовость служения сохраняется, но поскольку смена его предмета произошла постепенно, исподволь, самообманно, то есть незаметно для самого еврейства, то на этот раз поворот оказался абсолютно противоположным. Бога евреям заменил не идол, не истукан, не золотой телец, а то, что выставляет эти подставки и обманки – само чёрное ничто, небытие.

Такова страшная диалектика духа еврейства. Этот малочисленный народ дал человечеству религиозную основу его существования. Теперь же это племя, становящееся многочисленным, формирует и самопроизвольно внедряет в человечество чёрную духовность. Разумеется, я говорю не о конкретных живых людях, а об общем духовном облике народа, о мессианском призвании, исполнении его и измене ему. Линия разделения добра и зла проходит не между людьми и народами, а глубоко в душе каждого человека.

Но еврейство всегда было на острие борьбы и сейчас оно тоже на переднем его крае.

Дух еврейства всегда выражали его пророки, в душах же конкретных людей этот дух только отражается, расщепляясь, измельчаясь, переkreциваясь с другими веяниями. Но, вместе с тем, еврейству более, чем всякому другому народу, свойственен этот общий дух, тем более заметный, чем рассеянной евреи по миру. И ныне качество духовности еврейства свидетельствуется его пророками. Наиболее оригинальные из них именно своей типичностью, и они же наиболее влиятельные – это Маркс, Эйнштейн, Фрейд. Опять же замечу, что я сужу не конкретные человеческие души, которые в принципе не подсудны человеческому суду, и которые своим обликом могут вызывать и восхищение, и презрение, и любовь, и ненависть (и даже одновременно), как это вообще свойственно человеческим отношениям (хотя оговорюсь, что Маркс по причинам и глубоко личного характера вызывает у меня не столь противоречивое чувство, но причина этого не вменяется только в проблему еврейской духовности).

Можно выделить многие этапы того пути сползания еврейской духовности к образовавшемуся в ней чёрному эпицентру, пути, началом которого и движущей силой было неприятие откровения Богочеловечности и всё накаляющаяся борьба с ним: и раввинизм в раннехристианскую эпоху, и Каббала... Каждый этап был и новым поворотом, и новым

чёрным лучом в общем стягивающемся пучке. Меня же более будут интересовать Спиноза, Маркс, Эйнштейн, Фрейд.

Черты чёрной духовности, антидуховности: антионтологичность, антиметафизичность, отмена оснований, смешение качеств, нивелирование, беспринципность, своя красота, своя нравственность (распространяется только на «своих»).

Рецидивы ветхозаветности в христианстве

Засилие ветхозаветных религиозных представлений затемняли для христиан главное в Новозаветном Благовестии: *«Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом»*, *«Бог воплотился, чтобы человек обожился»*. Земная миссия Богочеловека, Его проповедь любви и милосердия, Его крестные муки, смерть на Кресте, Воскресение и явление в преображенной плоти, Вознесение Иисуса Христа явили истинный путь спасения каждого человека: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин. 14. 6). Будто не было Новозаветного Благовестия о богоподобности человека, о его духовности и свободе: *«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»* (2 Кор. 3. 17), о любви *«Бог есть любовь»* (1 Ин. 4. 8) и милосердии. В противоположность этому протестантизм вслед за католицизмом в церковной и политической практике руководствовался ветхозаветным представлением о богоизбранности. В иудаизме богоизбранным является еврейский народ, Бог явился только еврейскому народу и для спасения только еврейского народа. Для христиан с ветхозаветным сознанием Бог открылся сполна только им. Ветхий Завет преисполнен текстами о том, что другие народы назначены к служению богоизбранному, а сопротивляющиеся – к уничтожению. Под гипнозом жестокой ветхозаветной ре-

лигиозности католическая и протестантская Европа крестила нехристианские народы огнём и мечом, нехристианские же народы нескольких материков поработала либо истребляла, – во имя торжества «истинной веры» на земле. **Грехопадеиное мировоззрение религиозно оправдывало и стимулировало** генетическую агрессивность и экспансионизм западноевропейских народов, что привело к колониальному захвату большинства стран мира и навязыванию человечеству западноевропейских культурных стандартов.

Натуралистическая мировоззренческая инерция **целенаправила познавательную энергию** на эмпирическое изучение природы (натуры). В итоге наука из методологии познания превращается в единственно истинное материалистическое рационалистическое мировоззрение, объявляющее религиозное мировоззрение фиктивным (*вопросы о Боге и вечной душе – ложные, ибо не наблюдаемы, не подтверждаются опытно и рационалистически не доказуемы*). Экспансия на природу натуралистического познания формируют научно-техническую цивилизацию и стимулируют технический прогресс. Это, в свою очередь, вооружает завоевания народов и эксплуатацию природы.

В итоге отрицание христианской метафизики и духовности в течение веков ведёт к их отрицанию (атеизм, материализм), неизбежно заканчивается богоборчеством и сатанизмом в различных формах: от марксизма-коммунизма до ЛГБТ... Не восприятие христианских мировоззренческих ос-

нований приводит западноевропейскую цивилизацию к самоистреблению, что грозит гибелью человечества.

Цивилизации являются историческими организмами, в которых начальные духовные травмы неизбежно отзываются в их исторической судьбе. **Ложно-христианская концепция грехопадения-первородного греха** во многом определяла мировоззрение и судьбу христианской цивилизации, но по-разному в Западной Европе и в России.

Тотальный натурализм представлений о происхождении мироздания и человека ограничил европейское мировоззрение материальным измерением. Представление о человеке и отношении к человеку всё более **лишались духовного измерения**, многие церковные практики слишком нацелены на телесность, а не на вечную человеческую душу. Под влиянием натуралистической концепции творения возобладала бездуховная волна, породившая сонм европейских атеистических материалистических идеологий.

Генетический экспансионизм и агрессивность западноевропейских народов **получили религиозное оправдание и целеполагание**. Историк Алексей Лаушкин приводит свидетельство участника I Крестового похода Раймунда Ажильского, французского священника, монаха-бенедиктинца, автора «История франков, завоевавших Иерусалим», который с удовлетворением описывал резню жителей города: *«Произошли чудесные сцены, достойные запечатления. Некоторые из наших людей – и это были еще самые мило-*

сердные – отрезали головы врагам.

*Другие же сражали их стрелами, некоторые кидали их живьем в огонь или долго пытали и медленно убивали. Улицы были заполнены горами срубленных голов, рук и ног. Так что даже ходить по улицам, не спотыкаясь об эти конечности и головы, было довольно затруднительно». Другой французский хронист и теолог того времени, собрат Раймунда по бенедиктинскому ордену Гвиберт Ножанский писал: «**Бог создал в наше время священные войны для того, чтобы рыцари и толпа, бегущая по их следу... могли найти новые пути к обретению спасения**».*

За четыреста лет западноевропейцы перевезли из Африки в качестве рабов около трёх с половиной миллионов мужчин, женщин и детей, 250 тысяч из них погибли во время «переправы» на Американский континент. Безусловный знаток вопроса американский историк и дипломат Джорж Банкрофт в XIX веке описывал религиозно санкционированный глобальный геноцид: «**“Во имя Пресвятой Троицы”** испанское правительство, находившееся под влиянием римско-католической церкви, заключило более десяти договоров, дающих полномочия на продажу в рабство пятисот тысяч человеческих существ; в 1562 году сэр Джон Хоукинс отплыл в свою дьявольскую экспедицию для закупки рабов в Африке и продажи их в Вест-Индии на судне, которое **носило священное имя Иисуса**; тогда же Елизавета, протестантская королева, наградила его за успех в этом первом

предприятия англичан в такого рода бесчеловечной торговле, разрешив ему носить в качестве герба “полумавра, с его истинным цветом кожи, в путах”, или, другими словами, в виде закованного негритянского раба».

В Крымской войне архиепископ Парижский кардинал Сибур обратился с посланием к французским католикам с призывом идти на священную войну против православия: *«Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но **единственно война религиозная**. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость **отогнать ересь Фотия**; укротить, сокрушить её. Такова признанная цель этого нового крестового похода...»*

Исключительность агрессивной завоевательной природы западноевропейских народов проясняется при сравнении с другими цивилизациями. В Китае в I веке нашей эры селитра (основной состав пороха) использовалась в сочетании с серой (входящей в состав пороха) для приготовления лекарств. Порох был изобретён в Китае в VII веке, но использовался только в фейерверках, не экспансионистской китайской цивилизации не было нужды в оружейном порохе. Со II века до н. э. Китаем проложен Великий шёлковый путь не для военных походов, а для торговли со странами Средиземноморья. К началу XV века 250 торговых судов Китая (самые

большие в мировой истории деревянного кораблестроения) бороздили Индийский океан не для завоевания колоний, а для торговли с Индией, Африкой, Аравией, Персией. Европейская «торговля» (Опиумные войны) в середине XIX века на столетие разорила цветущую китайскую цивилизацию и превратила Китай в колонию.

Историософский взгляд должен обнаружить за чередой внешних событий реальные духовные силы, действующие в истории. В каждый период можно определить духовную его доминанту, те силы, которые движут натуральными формами.

Дневник самосознания. 19.06.86

Село Обутки Курганской области

Натуралистическая доминанта в западноевропейском христианстве в какой-то степени купировалась средневековыми мистическими тенденциями. В эпоху Возрождения натуралистическая установка возобладала, творческая энергия эмансипировалась в культе индивидуализма. Основой великих культурных достижений эпохи Возрождения во многом было влияние Византии, – самой высокоразвитой цивилизации эпохи. Своего рода «первоначальный культурный капитал» Возрождения сложился за счёт заимствования и захвата цивилизационных достижений Византии. После ограбления Константинополя в Четвёртом крестовом походе 1204 года город более полувека город был столицей Латинской империи крестоносцев. С середины XIV века ключевые эконо-

мические позиции в Константинополе контролировали венецианцы и генуэзцы, естественно, не без хозяйственного и культурного ограбления. При захвате Константинополя турками в 1453 году в Италию хлынуло большое количество беженцев из Византии, – носителей высочайшей культуры эпохи, привезших богатейшие библиотеки и множество произведений искусства, во Флоренции была создана Академия Платона. Гениальные произведения искусства Возрождения ещё посвящались религиозной тематике, но несли дух эмансипации, религиозные формы наполнялись светским содержанием. Творческая энергия раскрепощалась от средневекового табуирования, в реакции на который формировались **культ антропоцентризма, светская культура, гуманистическое и пантеистическое сознание**.

С позднего Возрождения в западноевропейской цивилизации возобладал **соблазн титанизма** – упоение технологической мощью. Концентрация религиозной энергии на обустройстве материальной жизни произвела **техническую цивилизацию**. Её эффективные средства вооружили западноевропейскую экспансию, а её формы были навязаны человечеству. Колумб переоткрыл Америку после викингов, **грабительские походы меняются тотальными завоеваниями**.

Натуралистическая концепция о назначении человека ограничивала христианское мировоззрение мирским измерением. Для европейских церквей приоритетным было не

духовная христианизация души и сознания, не пробуждение и формирование богоподобного достоинства и вселенской ответственности человека, явленной в Благовестии Богочеловека. Папство, затем и протестантизм боролись за земную власть, внедрение индульгенции, инквизиции, сжигание еретиков и «ведьм», крещение огнём и мечом бесчисленных народов по всему миру. Крестовые походы проводились, а религиозные ордены формировались для экспансии и завоеваний, создавались орденские государства. В этом «христианстве» мало было новозаветной духовности, справедливости и милосердия. Отдельные мистические течения были маргинальными.

Натуралистические приоритеты разнуздывали буйство плоти, нравственный цинизм в западном христианстве несоизмерим с православным миром. Тотальная легализация разврата на современном Западе, в том числе по благословению церкви, исторически долго прорастала. Уже в Средние века распущенность нравов распространена не только среди крестоносцев, но и клира в Иерусалимском королевстве: *«Между отдельными княжествами не только не было солидарности, но они находились в крайней деморализации; нигде не было такого простора для интриг, честолюбия, убийств, как в восточных княжествах крестоносцев. Примером безнравственности может служить Иерусалимский патриарх Ираклий, который не только напоминал собой самых дурных римских пап, но во многом превосходил их: он откры-*

то жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучшие были князья, бароны, рыцари и духовные лица. Полная распущенность нравов господствовала среди тех людей, на которых лежали весьма серьёзные задачи в виду наступавшего грозного неприятеля» (Википедия. Третий крестовый поход).

На Русской земле невозможно представить реестр **индальгенций**, указывающий, за какие провинности и в каких размерах взимаются штрафы с монахов и монахинь, за какое количество незаконнорождённых детей аббатиса подвергается обложению налогом. На Руси не приходилось сводом законов и денежными штрафами пресекать разврат, как в монастырях католической Европы. В Италии эпохи Возрождения *«священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что приходится неоднократно издавать декреты, запрещающие священникам “ради денег делаться сводниками проституток”, но всё напрасно. Монахи читают “Декамерон” и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий. Тогдашние писатели сравнивают монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами... В церквях пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету изображения половых органов, исцеленных этими иконами. Францисканские монахи изгоняются из города Реджио за грубые и скандальные нарушения общественной нравственности, позднее за то же из этого*

эже города изгоняются и доминиканские монахи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.